

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

10
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: bityunan@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: bityunan@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

II. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabolotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editors

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

M.P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Аницыферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Грищер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жепниковска, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия;
- И.А. Кушцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация;
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук (РГГУ)

М.П. Одесский, доктор филологических наук, профессор (РГГУ)

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

Oxana I. Kiyanskaya

- “‘Zvezdochka’ (Starlet) and ‘Zvezda’ (Star) have sunk forever”.
P.P. Svinyin on the situation in Russian journalism
in late 1825 – early 1826 12

Mikhail P. Odesskii

- Travel journalism by K. Balmont on the pages of the magazine “Libra”
(essay “In the countries of the Sun”) 21

Evgeniya V. Brodskaya

- The myth of Vladimir Vysotsky and its further transformation
in the modern Russian society 33

Mikhail Yu. Bobkov

- The Times’ coverage of the Crimean War (November – December 1853) 45

Andrei I. Koval

- Controversy about jazz in Soviet military periodicals (1941–1945) 54

History of Publicism. Rhetoric

David M. Feldman

- Publicity and counter-publicity. On the textology of the novel
by I.A. Ilf and E.P. Petrov “Dvenadtsat stuliev” (The Twelve Chairs) 63

Yurii G. Bit-Yunan

- The publicist and metaliterature aspects of V. Grossman’s play
“If you believe the Pythagoreans” 78

Tatiana S. Bondareva-Kutarenskova

- The specificity of precedent phenomenon’s using
in the P. Struve’s “The politic’s journal” 100

Danila S. Kuzyakin

- The functioning of slang in journalism (on the example of the speech
of the youth blogger Konstantin Zarutsky) 111

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

- Оксана И. Киянская,*
«“Звездочка” и “Звезда” закатились навсегда»: П.П. Свинын
о ситуации в русской журналистике в конце 1825 – начале 1826 г. 12
- Михаил П. Одесский*
Трэвел-журналистика К.Д. Бальмонта на страницах
журнала «Весы» (очерк «В странах Солнца») 21
- Евгения В. Бродская*
Миф о В.С. Высоцком и его трансформация
в современном социуме 33
- Михаил Ю. Бобков*
Освещение Крымской войны в газете “The Times”
(ноябрь–декабрь 1853 г.) 45
- Андрей И. Коваль*
Полемика о джазе в советской военной периодике (1941–1945) 54

История публицистики. Риторика

- Давид М. Фельдман*
Публицистика и контрпублицистика: о текстологии романа
И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев» 63
- Юрий Г. Бит-Юнан*
Публицистическая и металитературная составляющая
пьесы В.С. Гроссмана «Если верить пифагорейцам» 78
- Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова*
Специфика использования прецедентного феномена
в «Дневнике политика» П.Б. Струве 100
- Данила С. Кузякин*
Функционирование сленга в публицистике
(на примере речи молодежного блогера Константина Заруцкого) 111

История журналистики и литературной критики

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-12-20

«Звездочка» и «Звезда» закатились навсегда»: П.П. Свињин о ситуации в русской журналистике в конце 1825 – начале 1826 г.

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет о ситуации в петербургской журналистике середины 1820-х гг. Автор рассматривает отношения издателя журнала «Отечественные записки» П.П. Свињина с либеральными столичными журналистами: Ф.В. Булгариным, К.Ф. Рылеевым, А.Е. Измайловым и другими. Анализируется влияние восстания декабристов на журналистику, изменения, происшедшие в журнальном ландшафте в связи с арестом К.Ф. Рылеева и близких к нему литераторов. В качестве источника для описания произошедших изменений приводится письмо Свињина к военному историку и публицисту А.И. Михайловскому-Данилевскому.

Ключевые слова: П.П. Свињин, К.Ф. Рылеев, А.И. Михайловский-Данилевский, журналистика, «Полярная звезда», восстание декабристов

Для цитирования: Киянская О.И. «Звездочка» и «Звезда» закатились навсегда»: П.П. Свињин о ситуации в русской журналистике в конце 1825 – начале 1826 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 12–20. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-12-20

© Киянская О.И., 2023

“ ‘Zvezdoshka’ (Starlet) and ‘Zvezda’ (Star)
have sunk forever”.

P.P. Svinyin on the situation in Russian journalism
in late 1825 – early 1826

Oxana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the situation in St. Petersburg journalism in the mid-1820s. The author considers the relationship of the publisher of the journal “Otechestvennye Zapiski” (The national notes) P.P. Svinyin with liberal metropolitan journalists: F.V. Bulgarin, K.F. Ryleev, A.E. Izmailov, etc. The article analyzes the impact of the Decembrist uprising on journalism, the changes that occurred in the journal landscape following the arrest of K.F. Ryleev and writers close to him. As a source for describing the changes that have taken place, Svinyin’s letter to the military historian and publicist A.I. Mikhailovsky-Danilevsky is given.

Keywords: P.P. Svinyin, K.F. Ryleev, A.I. Mikhailovsky-Danilevsky, journalism, «Poliarnaya Zvezda» (The Polar star), the Decembrist uprising

For citation: Kiyanskaya O.I. “ ‘Zvezdoshka’ (Starlet) and ‘Zvezda’ (Star) have sunk forever”. P.P. Svinyin on the situation in Russian journalism in late 1825 – early 1826”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 12–20, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-12-20

Имя журналиста Павла Свинына (1787–1839) хорошо известно историкам отечественной словесности. Он много лет прослужил в Коллегии иностранных дел, жил в США, исполнял дипломатические поручения российского правительства в Германии и Англии, много путешествовал как за границей, так и по России. В конце 1810-х гг. Свинын издал два сборника под названием «Отечественные записки», позже ставшие периодическим изданием. «Любить Отечество велит природа, Бог. А знать его – вот честь, достоинство и долг!» – такой эпиграф Свинын предпослал своему журналу.

По политическим взглядам Свинын был «славянофилом» и консерватором. В его журнале постоянно печатались статьи, посвященные русским «самоучкам»: «русскому химику Власову», «русскому механику Калашникову», «Суханову, русскому природному ваятелю», «изобретателю Кукину», «Федору Алексеичу Семенову, мяснику-астроному» и т. п. Покровителем Свинына и его журнала в конце 1810-х гг. стал граф Алексей Аракчеев, все- сильный временщик императора Александра I (О Свиныне и его

периодических изданиях см. [Рейтблат, Бочков 2007; Проскурин 2001; Кулакова 2002]).

Об Аракчееве Свинын отзывался с нескрываемым восторгом, писал о нем как о «верном слуге царском»¹. Его имению Грузино журналист посвятил очерк «Поездка в Грузино»². Очерк открывался следующим стихотворением:

Я весь объехал белый свет:
Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою,
Дивился многому умом;
Но только в Грузине одном –
Был счастлив сердцем и душою,
И сожалел, что – не поэт!³

Свинын был постоянной мишенью для либерально настроенных столичных журналистов 1820-х гг., группировавшихся вокруг альманаха Кондратия Рылеева и Александра Бестужева «Полярная звезда» и изданий Фаддея Булгарина и Николая Греча (журналы «Сын отечества» и «Северный архив», газета «Северная пчела») [Готовцева, Киянская 2011]. Над ним откровенно смеялись, обвиняли в прямом вранье, высмеивали его политический сервилизм и страсть к «самоучкам».

Князь Петр Вяземский, близкий к издателям «Звезды», пародировал посвященные Грузино стихи:

Что пользы, говорит расчетливый Свинын,
Мне кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры, Трои и Афин?
Пусть дорожит Парнаса гражданин
Воспомианьем благородным.
Я не поэт, а дворянин
И лучше в Грузино пойду путем доходным:
Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин⁴.

¹ *Свинын П.П.* Поездка в Грузино // Сын отечества. 1818. Ч. 49. № 39. С. 24–25.

² Там же. С. 3–4, 19–34; № 40. С. 49–53, 57–74.

³ Там же. № 39. С. 3. Об авторстве этого стихотворения идут споры. Некоторые исследователи считают, что оно принадлежит перу брата автора очерка, влиятельного столичного чиновника Петра Свинына [Рейтблат, Бочков 2007, с. 524–525].

⁴ Письмо П.А. Вяземского А.И. Тургеневу от 13 октября 1818 г. // Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб., 1899. Т. 1: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1812–1819). С. 129.

Булгарин вопрошал: «В какое заблуждение входят простодушные читатели иногородные при чтении подобных статей (имелись в виду статьи, посвященные «самоучкам». – *О. К.*) и что подумают об нас иностранцы, которые ныне переводят много из русских журналов, если на наших глазах, в Петербурге, нам сообщают подобные известия?»⁵ Булгарин утверждал, что издатель «в описании природных русских дарований и отечественных благородных подвигов иногда добровольно изменяет своему намерению и приводит читателей в сомнение великолепными и пышными начертаниями трудов наших добрых ремесленников и смысленных мужичков, забавляя при том публику самыми странными названиями»⁶.

А баснописец Александр Измайлов, издававший журнал «Благонамеренный», посвятил Свиньину две басни: «Лгун» и «Кулик-астроном»:

Павлушка Медный лоб – приличное прозвание! –
Имел ко лжи большое дарованье;
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
*(«Лгун»)*⁷.

Есть твари из людей,
Которые невежд хвалами превозносят,
Да за́ это у них чего-нибудь, да просят.
*(«Кулик – астроном»)*⁸.

Несмотря на то что подобные «личности» были строжайше запрещены цензурным уставом 1804 г., обе басни были в 1824 г. напечатаны. Басня «Лгун» появилась в «Полярной звезде». Сам Рылеев, перефразируя свиньинское «сожалел, что – не поэт» и «я не поэт, а дворянин» Вяземского, написал о себе в предисловии к поэме «Войнаровский»: «Я не поэт, а гражданин»⁹.

⁵ *Архип Фадеев [Булгарин Ф.В.]*. Письмо от читателя «Отечественных записок» к издателю «Северного архива» // Литературные листки. 1823. № 2. С. 25–26.

⁶ *Булгарин Ф.В.* Краткое обозрение русской литературы 1822 г. // Северный архив. 1823. Ч. 5. № 5. С. 413.

⁷ *И. [Измайлов А.Е.]* Лгун: Сказка // Благонамеренный. 1824. Ч. 35. № 1. С. 50; *Измайлов [А.И.]* Лгун (басня) // Полярная звезда на 1824. СПб., 1824. С. 192.

⁸ *Измайлов А.И.* Кулик-астроном // Дамский журнал. 1824. Ч. 8. № 24. С. 218–219.

⁹ *Рылеев К.Ф.* Сочинения. Л.: Худож. лит., 1987. С. 162.

Однако в декабре 1825 г. издатели «Полярной звезды» попали в тюрьму как государственные преступники, организовавшие восстание на Сенатской площади. Под подозрение в неблагонадежности попал и Булгарин. Свињин не мог скрыть радости по поводу произошедшего: его враги в одночасье оказались посрамленными. Декабристов он называл людьми, «покусившимися на потрясение благосостояния своего Отечества, на разрушение семейного и народного спокойствия», а их восстание – «восстанием твари против Творца»¹⁰.

Радостью он поделился, в частности, с генералом, военным историком и публицистом Александром Михайловским-Данилевским.

Михайловский-Данилевский к моменту получения письма был уже знаменит: его разнообразные мемуары и рассуждения о войне 1812 г. часто публиковались в разных столичных журналах. Он не принадлежал ни к одной из враждовавших в журналистике партий: статьи его появлялись и в «Отечественных записках», и в «Сыне отечества» Греча, и во многих других изданиях. К моменту восстания декабристов он служил в провинции в должности командира армейской бригады, однако думал о возвращении в литературу и журналистику.

Между Свињинным и Михайловским-Данилевским существовала переписка: письма Свињина к генералу хранятся в фонде 527 Рукописного отдела Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ) в Санкт-Петербурге среди многочисленных посланий современников. Публикуемое ниже письмо написано в январе 1826 г. и отражает ситуацию в столичной журналистике, сложившуюся сразу после восстания на Сенатской площади – в той форме, в какой эту ситуацию видел Свињин.

Текст письма публикуется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Подчеркиванием выделены подчеркнутые в оригинале слова и фразы. В квадратных скобках расшифровываются сокращенные слова.

К письму предложен комментарий.

* * *

С[анкт-]Петербург. 12 генв[аря] 1826

Почтеннейший друг Александр Иванович!

Уже я начал приходить в отчаянье, как получил приятнейшее письмо ваше и обрадовал всех наших литераторов и приятелей обещанием вашим – украшать «Отечественные записки» драго-

¹⁰ П.С. [Свињин П.П.]. Третье письмо в Казань, от 31 декабря 1825 г., С.-Петербург // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. № 69. С. 174, 175.

ценными трудами вашими, коим я отдавал в душе моей полную справедливость. Поверьте, что появление статьи вашей будет литературным праздником, ибо все с сокрушением видели вас удалившимся с поприща словесности с бесценными сокровищами вашими.

Весьма согласен, что нужно некоторое время для глаз истории, но записки ваши есть наблюдения самовидца сего великого человека, а потому никогда ни поздны, ни ранни¹¹! А потому вновь повторяю мою покорнейшую просьбу о скорейшем украшении ими «Отечественных записок».

Благодаря откровенности, с коей действует правительство, вы столько же хорошо и подробно знаете о следствиях безумного мятежа, как и мы здесь. Сегодня в «Сев[ерной] пчеле» напечатано и продолжение муравьевского возмущения¹², и оправдание Сомова¹³, который из осьми преступных пчел, составлявших улей Греча и Булгарина¹⁴, найден невиновным.

Воображаю, что и вы порадовались с добрыми сынами Отечества, что единственному, бесподобному нашему Василью Романовичу¹⁵ вновь открылась дорога или, лучше сказать, поднялся шлахтаум для действий его талантам, опытности и доброте сердца. Благодаря Бога царь обращает внимание на людей, коих насти[г]ло общее мнение, которое есть постигать глас божий, ибо никакая

¹¹ Так в тексте. – О. К.

¹² Имеется в виду публикация в «Северной пчеле» 9 января 1826 г. официальных документов о начале, ходе и подавлении восстания Черниговского полка под руководством подполковника С.И. Муравьева-Апостола. Эти документы с 10 по 16 января публиковали и другие периодические издания [Готовцева 2007, с. 170–174].

¹³ Сомов Орест Михайлович (1793–1833) – журналист, писатель, сотрудник «Полярной звезды», столоничальник в Российско-Американской компании, правителем дел в которой был К.Ф. Рылеев. В ночь с 14 на 15 декабря был арестован, однако 7 января отпущен из-под стражи, о чем было сообщено в газетах.

¹⁴ В окружении Греча и Булгарина было немало литераторов и журналистов, участвовавших или подозревавшихся в участии в заговоре. Кроме Рылеева, Александра Бестужева и Сомова, это были брат Александра Бестужева Николай, Александр Корнилович, Вильгельм Кюхельбекер, Федор Глинка, Александр Грибоедов, Яков Ростовцев и другие. Кого конкретно в данном случае имел в виду Свинын, сказать сложно.

¹⁵ Имеется в виду Марченко Василий Романович (1782–1840) – видный чиновник, статс-секретарь Александра I, в конце 1810-х гг. попавший в опалу и вновь приближенный ко двору императором Николаем I.

власть ни дать, ни взять его не может. Сенявин к нему близок, и есть надежда, что флот воскреснет¹⁶.

Знаете ли, что и Глинка (Ф.Н.) был призван в комиссию со всеми своими бумагами и отпущен Государем как непричастный ни к какому подозрению¹⁷. Он в восхищении от царя.

Я давно рекомендовал вам Смирдина¹⁸: он человек исправный, и им истинно вы будете довольны. Несмотря что «Звездочка» и «Звезда»¹⁹ закатились навсегда в бурное небо, горизонт словесности покрылся великим множеством пустых созвездий, не боящихся более затмения, таковы «Невский альманах» – Аладьина²⁰, «Альманах для прекрасного пола» – С. Глинка²¹, «Парнасский цветник» – Измайлова²², «Драматический аль-

¹⁶ Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831) – российский флотоводец, вице-адмирал, находившийся с 1813 г. в отставке и опале. Вступивший на престол Николай I вернул его на службу, дал чин адмирала и назначил командующим Балтийским флотом. С этим назначением связывались надежды на возрождение российского флота, который в александровское царствование влачил жалкое существование.

¹⁷ Глинка Федор Николаевич (1786–1880) – полковник, публицист и писатель, член первых тайных обществ декабристов – Союза спасения и Союза благоденствия, в поздних декабристских организациях не состоял. В конце декабря 1825 г. был арестован, но в тот же день отпущен, однако спустя три месяца арестован вторично. По итогам следствия переведен на гражданскую службу и сослан в Петрозаводск.

¹⁸ Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) – петербургский купец, библиофил, издатель и книгопродавец.

¹⁹ Под «Звездой» имеется в виду альманах «Полярная звезда» (1823–1825), под «Звездочкой» – собранный Рылеевым и Бестужевым небольшой альманах из произведений, не вошедших в «Полярную звезду». «Звездочка» должна была выйти в начале 1826 г., однако в связи с восстанием декабристов и арестом издателей осталась в корректурных листах.

²⁰ Аладьин Егор Васильевич (1796–1860) – петербургский журналист, сотрудник «Отечественных записок» Свинына. Вдохновленный успехом «Полярной звезды», в 1825 г. стал самостоятельно выпускать «Невский альманах».

²¹ Глинка Сергей Николаевич (1775–1847) – писатель и журналист, брат Ф.Н. Глинка. В 1825 г. подготовил и в 1826 г. издал один выпуск «Московского альманаха для прекрасного пола».

²² Измайлов Александр Ефимович (1779–1831) – петербургский баснописец и журналист, сотрудник «Полярной звезды», издатель журнала «Благонамеренный». В 1826 и 1827 гг. выходил его альманах «Календарь муз», который первоначально он хотел назвать «Парнасский цветник».

бом» – Верстовского²³, «Московская комета» – Погодина²⁴. Сей последний еще не вышел, но как раз лучше всех. Сюда попали и «Северные цветы»²⁵!

Прощайте, мой почтенный Александр Иванович! Верьте, что я на всю жизнь вам преданный, покорнейший слуга

Пав. Свиньин.

P.S. Еще выпущен вчера свитский Свечин²⁶ как невинный.

(РО ИРЛИ. Ф. 527. № 128. Л. 47–48 об.)

Литература

Готовцева 2007 – *Готовцева А.Г.* Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2007. № 9. С. 157–199.

Готовцева, Киянская 2011 – *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Из истории русской журналистики 1820-х годов: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин и П.П. Свиньин // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2011. № 6. С. 11–36.

Кулакова 2002 – *Кулакова И.П.* Отечественный мечтатель // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 361–373.

²³Верстовский Алексей Николаевич (1799–1862) – композитор и театральный деятель, жил в Москве. В 1826 г. вместе с московским драматургом и критиком А.И. Писаревым издал «Драматический альбом для любителей театра и музыки», содержащий отрывки из оригинальных и переводных пьес, критические статьи и материалы, посвященные театральному и музыкальному искусству.

²⁴Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк, журналист, в 1825 г. задумавший издавать альманах «Московская комета». Название альманаха подражало «Полярной звезде», поэтому после восстания на Сенатской площади оно было заменено. Альманах вышел под названием «Уrania».

²⁵«Северные цветы» – главный конкурент «Полярной звезды», альманах, первый номер которого вышел в 1825 г. в Петербурге. Издавался до 1831 г. А.А. Дельвигом при участии О.М. Сомова; книжка 1832 г. была собрана и издана А.С. Пушкиным.

²⁶Свечин Егор Васильевич (1796–1831) – подпоручик корпуса топографов. Арестован 14 декабря 1825 г., признан непричастным к тайным обществам и восстанию, отпущен 7 января 1826 г.

- Проскурин 2001 – *Проскурин О.А.* Первые «Отечественные записки», или О лжи и патриотизме // *Отечественные записки*. 2001. № 1. С. 270–277.
- Рейтблат, Бочков 2007 – *Рейтблат А.И., Бочков В.Н.* Свиныин Павел Петрович // *Русские писатели. 1800–1917: В 6 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 519–524.*

References

- Gotovtseva, A.G. (2007), “The Decembrist movement in the official press of 1825–1826”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, no. 9, pp. 157–199.
- Gotovtseva, A.G. and Kiyanskaya O.I. (2011), “From the history of Russian journalism of the 1820s. K.F. Ryleev, F.V. Bulgarin and P.P. Svinyin”, *RGGU Bulletin. “Journalism. Literary Criticism” Series*, no. 6, pp. 11–36.
- Kulakova, I.P. (2002), “The Russian dreamer”, *Oteshestvennyye zapiski*, no. 3. pp. 361–373.
- Proskurin, O.A. (2001), “The first ‘National notes’, or About lies and patriotism”, *Oteshestvennyye zapiski*, no. 1. pp. 270–277.
- Reitblat, A.I. and Bochkov, V.N. (2007), “Svinin Pavel Petrovich”, in *Russkie pisateli. 1800–1917* [Russian writers. 1800–1917], 6 vols., The Great Russian Encyclopedia, Moscow, Russia, vol. 5, pp. 519–524.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-21-32

Трэвел-журналистика К.Д. Бальмонта
на страницах журнала «Весы»
(очерк «В странах Солнца»)

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется трэвел-журналистика К.Д. Бальмонта. В 1905 г. знаменитый поэт-символист впервые обратился к трэвел-журналистике. В очерке «В странах Солнца» описывалось его путешествие в Мексику, прежде всего мексиканские древности. Очерк был напечатан в журнале «Весы», выражавшем литературную позицию символистов. Однако, несмотря на принадлежность Бальмонта к символистам, они практически игнорировали очерк и считали его симптомом творческого кризиса Бальмонта.

Ключевые слова: трэвел-журналистика, журнал «Весы», Мексика, К.Д. Бальмонт, русский символизм

Для цитирования: Одесский М.П. Трэвел-журналистика К.Д. Бальмонта на страницах журнала «Весы» (очерк «В странах Солнца») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 21–32. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-21-32

Travel journalism by K. Balmont
on the pages of the magazine “Libra”
(essay “In the countries of the Sun”)

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the travel journalism of K.D. Balmont. In 1905, the famous symbolist poet turned to travel journalism for the first time. The essay “In the Countries of the Sun” described his journey to Mexico, primarily Mexican antiquities. The essay was published in the magazine “Libra”

© Одесский М.П., 2023

(“Vesy”), which expressed the literary position of the symbolists. However, despite Balmont’s belonging to the symbolists, they practically ignored the essay and considered it a symptom of Balmont’s creative crisis.

Keywords: travel journalism, “Libra” (“Vesy”) magazine, Mexico, K. Balmont, Russian symbolism

For citation: Odesskii, M.P. (2023), “Travel journalism by K. Balmont on the pages of the magazine ‘Libra’ (essay ‘In the countries of the Sun’)”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 21–32, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-21-32

К.Д. Бальмонт к середине нулевых XX в. – мэтр символистской поэзии. Он уже выпустил сборник литературно-критических статей «Горные вершины» (1904), опередив в этом отношении других мэтров (Андрея Белого, В.Я. Брюсова, В.И. Иванова), и к тому же завоевал популярность за пределами почитателей нового искусства. «Весы» – заметнейший символистский журнал, с 1904 г. выпускаемый издательством «Скорпион»: Бальмонт участвовал в создании журнала, но затем – в силу особенностей психики и дарования – вполне удовлетворился ролью «брендового» автора. В 1905 г. на страницах «Весов» поэт, наряду с прочими сочинениями, апробировал новый жанр, опубликовав путевой очерк «В странах Солнца». Задача данной статьи – проанализировать специфику критической рецепции бальмонтовского тревелога, прежде всего – единомышленниками-символистами.

* * *

В январе 1905 г. Бальмонт предпринял полугодовое путешествие в Мексику (и затем в США). Он всю жизнь любил странствия, подолгу жил в европейских странах. Более того, его поездки были формой выражения принципиальной установки на многосторонний диалог с «чужим», включавший «чужую» тематику в лирике, статьи и переводы. Но и на этом фоне Мексика выглядела экзотической: «Бальмонт был первым русским писателем, посетившим Мексику и так обстоятельно ее изобразившим» [Куприяновский, Молчанова 2014, с. 142]. Он отправился в вояж с верной возлюбленной Еленой Константиновной Цветковской, однако регулярно делился впечатлениями с верной женой Екатериной Алексеевной Андреевой-Бальмонт. Жена, делая выборки, передавала их в «Весы», а журнал печатал – параллельно с ходом путешествия – части построенного в дневниковой форме очерка «В странах Солнца. Письма к частному лицу из

кругосветного путешествия» (№ 4, 6, 8). В 1910 г. в «Скорпионе» Бальмонт издал мексиканский травелог отдельной книгой под заглавием «Змеиные цветы», куда был включен базовый очерк 1905 г., в новой редакции называвшийся «Путевые письма. Издалёка к Близкой».

Современники, насколько известно, проигнорировав очерк в версии «Весов», на «Змеиные цветы» некоторое внимание обратили. Например, Андрей Белый в рецензии 1910 г., напечатанной журналом «Русская мысль» (где Брюсов отвечал за литературный отдел), дал «Змеиным цветам» емкую характеристику¹.

«Книга распадается на две несоизмеримые по интересу части», – констатирует рецензент и сразу переходит к первой части, т. е. очерку «Путевые письма. Издалёка к Близкой».

По мнению Андрея Белого, специфика очерка заключается в акценте на субъективном авторском восприятии, которое должно не менее интересовать читателя, чем собственно Мексика, и в том внимании, которое автор уделяет поискам «красоты» преимущественно в природе:

Эта часть поистине привлекательна: нам интересна Мексика, нам интересен Бальмонт. Впечатление от Мексики самого впечатлительного из наших поэтов: всё тут – красота, всё – песня. <...> Бальмонт с великолепным мастерством рисует нам ряд полотен – с натуры. Вот мексиканское небо, луна, солнце, вот «быстрая вуаль дождя» бежит по минутным утесам волн...

Разумеется, поиски «красоты» не отменяют информативности («теософия» майя, «национальные типы», «широкие обобщения», дорожные приключения), но они несколько оттеснены субъективным методом изложения, неожиданными переходами от одного к другому, причудливым слогом – «как полотна импрессионистов»:

От природы – к теософии Майев, от Майев – к лирике собственной души, от лирики – к психологической характеристике национальных типов, и далее – к широким обобщениям, прерываемым каким-нибудь остроумно рассказанным дорожным эпизодом. Все это осыпано фейерверком афоризмов, шутками, расцвечено редкими эпитетами и сравнениями, как полотна импрессионистов, горящие красочными мазками...

¹ Здесь и далее: *Белый А.* Собр. соч. Т. 16: Несобранное. Кн. 1 / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Дмитрий Сечин, 2020. С. 439–440.

Бальмонт посетил далекие края в страшные для России революционные месяцы 1905 г., он испытывал «тоску по родине», однако влечение в очерк трагической российской темы не поколебало общего диагноза, поставленного Андреем Белым импрессионистическому методу очерка:

...все здесь свежо, живо – все захватывает, как захватывает красной нитью проходящая тоска по родине. <...>

От России – к Мексике, от Мексики – к России; всё здесь – мгновенно, неожиданно, как бы случайно; и во всем здесь – поэт мгновения Бальмонт...

Личность поэта-путешественника заслоняет все. Потому песнь о солнце, обещанная в заглавии очерка и дорогая рецензенту-«аргонавту», оборачивается «тоскующей песней безбрежной тишины и вздохов ветра» (аллюзии на стихотворения и на заглавия ранних поэтических сборников Бальмонта). Потому же весь травелог представляет собой не рассказ о Мексике, а «лирическую импровизацию на тему о Мексике», пусть даже эта импровизация «прекрасна»:

Автор «Путевых писем», блещущих солнечным великолепием, спел новую нам о солнце песнь, и под солнечной красотой, под яркими красками мгновений – все та же тоскующая песнь безбрежной тишины и вздохов ветра. <...> И рассказать ничего не может Бальмонт о Мексике; его рассказ – лирическая импровизация на тему о Мексике, и она – прекрасна.

Справедливости ради следует отметить, что упреки Белого нельзя считать неопровержимыми.

Использованная рецензентом синтаксическая конструкция «От России – к Мексике, от Мексики – к России» обесценивает тему «тоски по родине», однако ведь именно ею Бальмонт открывает очерк (запись от 7 февраля):

Я не пишу ничего о том, какие минуты, часы и целые дни провел я, думая о другом: о том, что сейчас в России. Я не могу об этом говорить. Но, если вспомнить мои слова, я предсказывал в точности... И хотя Брюсов воскликнул: «Мы – пророки, ты – поэт», – и хотя разглагольствующие барашки, мнящие себя тиграми, не видели и не слышали меня, – я оказался до мучительности точно предвидящим. Хотя все же это еще превзошло мои ожидания. Да, при всей черной мнительности, такого позора и такого унижительного ужаса нельзя было ждать. – Перед отъездом из Коруньи (испанский порт, из которого Бальмонт

уплывал в Америку. – *М. О.*), где я был счастлив, я прочел в испанских газетах, что Горький приговорен к повешению. У меня потемнело в глазах. В эту ночь я как будто потерял рассудок. <...> Быть может, это сказка? С тех пор я отрезан от Европы и не узнаю ничего до приезда в Кубу. Но я не хочу, не могу об этом ни думать, ни говорить. Что я чувствую – знает, кто знает меня...²

Российская тема повторяется и в завершающей очерк записи (от 17 июня), формируя своего рода смысловую рамку:

Да, я не могу не испытывать таинственного восторга и трепета, когда сижу в католическом храме и слышу величественные раскаты органа. Я не могу не плакать и не рыдать, когда я слышу прекраснейшие похоронные песни нашей православной церкви. Но этого мало, мало мне, я хочу, чтобы храм, в который я вхожу, был залит лучами Солнца и весь пестрел цветами. Я хочу, чтобы, когда я молюсь, все кругом было красиво и все молились бы кругом, а не смотрели бы тускло, с чужими, равнодушными лицами. Я хочу, чтобы в храме, где я молюсь, не слышалось жестокого бряцанья монет и чтобы в него не врывался гомон с улицы, убивая святыне внушенья песнопений.

И потому я благословляю людей, строивших храмы на высотах, я люблю потомков Атлантов, которые, молясь, сливали в одно великое очарование – мысли, цветы, слова, благовоения, краски и вольный воздух, и высоту пирамид, с которых виден зеленый океан растений до дальней черты горизонта, под родным лазурным небом, под лучами родного, народившего нас, Солнца³.

Более того, запись от 17 июня – финальная и тем самым помещенная в сильную позицию – вплетает российскую тему в «солнечную», которая, по Бальмонту, – суть очерка (а, по Андрею Белому, лишь покров над «тоскующей песней»). Поэт-путешественник благословляет и любит людей, сливающих «в одно великое очарование – мысли, цветы, слова, благовоения, краски и вольный воздух, и высоту пирамид» «под лучами родного, народившего нас, Солнца», причем произносит эту декларацию автор нашумевшего поэтического сборника «Будем как Солнце» (1903), название которого явно рифмовалось с заглавием «В странах Солнца»

Присутствующая в финальной записи тема «потомков Атлантов», которая символизирует оккультные историософские смыслы,

² *Бальмонт К.* В странах Солнца: Письма к частному лицу из кругосветного путешествия // *Весы*. 1905. № 4. С. 1–2.

³ Там же. № 8. С. 30.

также бесспорно внятна Андрею Белому. Эта тема требует специального изучения, но и без того ясно, что оценка рецензента как минимум полемически заострена.

Хотя вторую часть «Змеиных цветов» составили как раз совершенно не «лирические» материалы о Мексике, они все равно не устроили Андрея Белого:

Не то вторая часть, посвященная главным образом переводам священной книги «Пополь-Ву». <...> Вторая часть – тяжелый балласт к первой части. <...>

К книге приложены репродукции с мексиканских памятников старины. Издана книга прекрасно.

Опять же справедливости ради – Бальмонт горделиво обращал внимание Брюсова именно на эти материалы:

...в этой книге имеется полный перевод Майской Космогонии – Истории, единственный уцелевший веский документ... Ни у Немцев, ни у Англичан не имеется переводов, – точнее, пересозданий, – этих замечательных документов. Они имеются сейчас лишь у Французов и Русских⁴.

Согласно Андрею Белому, Бальмонт, автор травелога, остается всегдашним Бальмонтом, «поэтом мгновения», и это – вопреки словечкам «великолепное мастерство», «свежо, живо», «прекрасна» – в рецензии отнюдь не комплимент.

* * *

Полемическая ситуация, выявившаяся при обсуждении «Змеиных цветов», сложилась, однако, еще при журнальной публикации очерка «В странах Солнца».

Дело в том, что по мере роста известности среди «среднестатистических» читателей отношение к творчеству Бальмонта «своих» – чьим печатным органом были «Весы» – мягко говоря, усложнялось.

⁴Переписка с К.Д. Бальмонтом / Вступ. ст., подгот. текстов А.А. Нинова; коммент. А.А. Нинова, Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М.: Наука, 1991. С. 220. Симптоматично, что специалист по культуре Центральной Америки Р.В. Кинжалов отметил отдельные ошибки Бальмонта, но в целом положительно оценил его тексты [Кинжалов 2003].

В № 4 журнала – сразу вслед за первой частью мексиканского очерка – помещена программная статья Андрея Белого «Апокалипсис в русской поэзии», где автор выступил одновременно критиком, теоретиком символизма и историком русской поэзии. Бальмонт в статье не упомянут ни разу – на фоне таких, например, заявлений: «Лермонтовская и пушкинская струи русской поэзии, определившись в Блоке и Брюсове, должны слиться в несказанное единство»⁵.

Бальмонт, задетый зияющим «пропуском» себя, царственно написал Брюсову о «предерзостном ко мне отношении Андрея Белого»⁶. И Брюсов, несмотря на лестные похвалы Белого в свой адрес, вступился за Бальмонта – сразу в следующем номере «Весов»:

Назвав имена шести поэтов, Некрасова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, меня и Блока, ты пишешь: «Только эти имена (после Пушкина и Лермонтова) и западают глубоко в душу; талант названных поэтов совпадает с провиденциальным положением их в общей системе национального творчества». Конечно, лестно оказаться в числе шести избранных, рядом с Тютчевым и Фетом, – но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком на свой личный вкус? <...> И неужели Блок более являет собой русскую поэзию, чем Бальмонт..? Ты расцениваешь поэтов по тому, как они относятся к «Жене, облеченной в солнце». Критики 60-х годов оценивали поэтов по их отношению к прогрессивным идеям своего времени. Те выкидывали из своей схемы Фета, ты – Бальмонта. Право, разница небольшая. Оба метода подают друг другу руки. <...> Предпочитаю быть исключенным из представителей современной поэзии вместе с Бальмонтом, чем числиться среди них с одним Блоком⁷.

Андрей Белый полемику продолжил. В № 6, повторно оказавшись рядом с очерком Бальмонта, второй его частью, Белый опубликовал статью «В защиту от одного нареkania. Открытое письмо Валерию Брюсову», ни в чем не уступив, в том числе относительно Бальмонта: «...мой взгляд на Бальмонта, крупный талант которого глубоко не п р о в и д е н ц и а л е н»⁸.

⁵ *Белый А.* Апокалипсис в русской поэзии // *Весы*. 1905. № 4. С. 26.

⁶ Переписка с К.Д. Бальмонтом... С. 166.

⁷ *Брюсов В.* В защиту от одной похвалы: Открытое письмо Андрею Белому // *Весы*. 1905. № 5. С. 37–38.

⁸ *Белый А.* В защиту от одного нареkania: Открытое письмо Валерию Брюсову // Там же. № 6. С. 42.

Впрочем, и сам Брюсов, в № 5 споривший с Андреем Белым, ранее – в № 4 (т. е. в одном номере с «В странах Солнца» и «Апокалипсисом в русской поэзии») – напечатал рецензию на две книги Бальмонта: первый том собрания стихов и новый сборник «Литургия Красоты» (1905), и рецензия содержала суровую оценку, очень близкую к позднему отзыву Белого на «Змеиные цветы»:

Слишком уж громко и настойчиво твердит Бальмонт о том, что он радостен, свободен и мудр, слишком старается восхвалять веселие бытия, словно боится, что ему не поверят <...> В последних книгах Бальмонта, как и в первых, истинного совершенства достигают только стихи о скорби или тихие, кроткие песни нежной любви к природе и к женщине... но во всех его преувеличенных прославлениях жизни есть что-то намеренное, какое-то усилие, какая-то принужденность языка и чувства. <...> Бальмонт рожден, чтобы жить под Северным небом (обыгрывание заглавия раннего поэтического сборника. – М. О.), чтоб видеть божественное лишь в сопутствии скорби, но современность подсказала ему гимны Огню и Солнцу, прославления Смерти и Ужаса, навязала ему героем Художника-Дьявола («Художник-Дьявол» – поэма, составляющая последний отдел в «Будем как Солнце». – М. О.). <...> Где-то в «Художнике-Дьяволе» Бальмонт говорит: «И я миры отдам за куст сирени!» В жизни он сделал худшее: он отдал свой куст сирени за призрачные миры!⁹

Для посвященных подобное суждение одного мэтра символизма о другом не могло стать сюрпризом. Согласно дневниковым записям М.А. Волошина, Брюсов на перроне, только-только проводив Бальмонта в американское путешествие, изрек:

Сию минуту кончился целый период. Бальмонт десять лет повластно царил в литературе – иногда капризно, но царил. Наши связи рвались постепенно и порвались уже совсем в эти последние месяцы, но теперь он сам отрекся от царства и положил конец... Это только официальное засвидетельствование совершившегося¹⁰.

Зато в апреле 1905 г. – одновременно с нелюбезной рецензией – Брюсов пишет в Мексику такое письмо, что Бальмонт впоследствии хранил его как святыню:

⁹ Вesy. 1905. № 4. С. 50–52.

¹⁰ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 1: Журнал путешествий. Дневник 1901–1903. История моей души / Сост., подгот. текста, коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак 2000, 2006. С. 185–186.

Брат Константин!

Как всегда, Ты мне особенно близок теперь, когда далек, без конца ближе, чем когда нас разделяло расстояние в несколько улиц. Верю и знаю, что буду совсем с Тобой, когда между нами будет грань жизни и смерти. <...> И если я иногда говорю против Тебя и смотрю на тебя враждебными глазами, то – это вражда в области вечного братства...¹¹

В 1909 г. Бальмонт наконец порвал с «Весами», очевидно, раздраженный как необязательностью редакции в печатании его текстов, так и отношением задававших тон в журнале критиков. Его открытое письмо с явным удовольствием перепечатал журнал «Золотое Руно», тоже символистский, но оппонировавший «Весам»:

Считаю роль журнала «Весы», – одним из литературных оснований которого был, между прочим, и я, – окончательно сыгранной, видя также, что в этом году он стал систематическим прибежищем для литературных подростков, коим не суждено никогда подрасти, имея, кроме того, ряд фактов, указывающих на недопустимое по отношению ко мне небрежение правилами простой деловой добросовестности, – я отказываюсь от какого-либо дальнейшего участия в этом журнале¹².

Отношения с Брюсовым притом поддерживались, и лидер «Весов» сам тогда дистанцировался от собственного журнала.

Так что расхождение двух мэтров должно интерпретировать с осторожными оговорками и на разных уровнях. В любом случае: в 1905 г. Бальмонт для «Весов» безусловно «свой», однако не способный более достигнуть уровня прежних шедевров.

Спустя пять лет – к моменту выхода «Змеиных цветов» – уже произносится слово «упадок». Эллис (Л.Л. Кобылинский), наряду с Брюсовым и Белым ведущий критик «Весов», в резонансной книге «Русские символисты» (1910) представил оригинальную концепцию всего направления, где Брюсов знаменовал настоящее, Андрей Белый – будущее, а Бальмонт – прошлое. Оказывается, что еще в сборнике «Только Любовь» (1903) «с первых же страниц чувствуется упадок силы творческого воображения, напряженности душевных эмоций, и изламывается, трескается художественная форма»¹³.

¹¹ Переписка с К.Д. Бальмонтом... С. 160–161.

¹² Золотое Руно. 1909. № 6. С. 79.

¹³ Эллис. Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. Томск: Водолей, 1996. С. 102.

Белый в позднейших воспоминаниях кратко суммировал отношение «своих» к Бальмонту, сформировавшееся во второй половине нулевых: Брюсов критиковал «все книги Бальмонта после “Только Любовь”; я тоже к Бальмонту относился сдержанно; Эллис почти враждебно...»¹⁴.

Почти завершая разбор сочинений Бальмонта, Эллис коснулся и мексиканского травелога (имеются в виду «Змеиные цветы»): «Большие надежды возлагались на предпринятое около этого времени путешествие Бальмонта в Мексику». С одной стороны, Эллис здесь проговорился о литературных надеждах, которые редакция «Весов» – наряду с другими мотивами – возлагала на очерки поэта-путешественника, с другой стороны, в книге эта фраза служит отправной точкой для приговора более сурового, чем у Белого:

Однако все, что прислал из этой страны древних Инков (? – М. О.) «жаждущий новых миров» поэт, было ниже всякой критики. Исследования по эпической поэзии и мифологии древних Квитчей-Майев, описание личных, случайных впечатлений от путешествия – все одинаково оказалось скучным, бледным, небрежным и фальшивым¹⁵.

Дискутировать с современниками Бальмонта и корректировать их оценку едва ли продуктивно, но правомерно добавить несколько очевидных фактов, связанных с очерком «В странах Солнца».

Бальмонт далеко не разочаровался в новом жанре: он в 1914 г. опубликовал книгу «Край Озириса», в которой (под влиянием предыдущей критики?) демонстрировал стремление к информативности и научности, а другие его травелоги не увидели свет по не зависящим от автора причинам.

Андрей Белый, придирчиво рассмотрев травелог Бальмонта, вскоре приступил к собственному: записки о пребывании в Италии и Северной Африке в книжном формате были опубликованы после 1917 г., но отдельные очерки печатались в газетах «Утро России», «Речь» еще в 1911 г. (там же и тогда же, где египетские очерки Бальмонта), и по своим поэтологическим признакам они – на фоне неоспоримого различия художественных стилей двух писателей – близки к текстам мексиканского странника.

Наконец, в монографии «Учители учителей» (1917) Брюсов при описании мексиканских «замечательных руин» сослался на «Змеиные цветы» как на вполне авторитетный источник:

¹⁴ *Белый А.* Начало века / Подгот. текста, коммент. А.В. Лавров. М.: Худож. лит., 1990. С. 424.

¹⁵ *Эллис.* Русские символисты... С. 104.

Любопытные подробности о современном состоянии древних развалин в Мексике см. в книге К.Д. Бальмонта «Змеиные цветы», М., 1910. Там же воспроизведены фотографии с этих развалин и некоторых предметов майских и ацтекских древностей...¹⁶

* * *

Итак, в 1905 г. Бальмонт опубликовал в новом для себя жанре травелога мексиканский очерк в журнале «Весы», а в 1910 г. в издательстве «Скорпион» – книгу «Змеиные цветы», посвященную той же теме. Казалось бы, все располагало к гармонии и пониманию: автор – мэтр русского символизма, «Скорпион» и «Весы» – символистские издательство и журнал. Тем не менее сотоварищи-символисты встретили травелог, по меньшей мере, сдержанно. Создается впечатление, что неприятие «своими» бальмонтовского опыта определялось не столько претензиями к тексту, отнюдь не очевидными, сколько представлением о творческом кризисе мэтра, которое – парадоксально – стало оборотной стороной ширящейся популярности Бальмонта вне «своего» круга.

Литература

- Кинжалов 2003 – *Кинжалов Р.В.* К.Д. Бальмонт и древние культуры Латинской Америки // Санкт-Петербург – окно в Иberoамерику: Сб. докл. М. [Б. и.], 2003. С. 408–421.
- Куприяновский, Молчанова 2014 – *Куприяновский П., Молчанова Н.* Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. 345 с.

References

- Kinzhalov, R. (2003), “K.D. Balmont and ancient cultures of Latin America”, in *Sankt-Peterburg – okno v Iberoameriku* [Saint Petersburg – a window to Iberoamerica], Moscow, Russia, pp. 408–421.
- Kupriyanovskii, P. and Molchanova, N. (2014), *Bal'mon*, [Balmont], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

¹⁶ *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7: Статьи о Пушкине: Статьи об армянской литературе: Учители учителей / Подгот. текста, примеч. К.В. Айвазян, М.В. Васильева, Э.А. Полоцкая, Г.А. Татосян, Р.Л. Щербаков. М.: Худож. лит., 1975. С. 370.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-33-44

Миф о В.С. Высоцком и его трансформация в современном социуме

Евгения В. Бродская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, eugenia.brodsкая@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматривается, как рождается миф о В.С. Высоцком в советской и российской критике и то, каким образом изменяется восприятие его фигуры в современном социуме. Наследие В.С. Высоцкого «апроприирует» официальная культура фактически сразу после его смерти. Высоцкий из непризнанного при жизни певца становится классиком, включенным в школьные программы. При это образ В.С. Высоцкого подвергается не только «классикализации», но и «банализации». Контексты, стоящие за ним, теряют прежний смысл и трансформируются в угоду представителям различных социогрупп в зависимости от их интересов: от «почвенников» до «интеллигенции».

Ключевые слова: В.С. Высоцкий, социум, власть, российские СМИ, публицистика, советская пресса

Для цитирования: Бродская Е.В. Миф о В.С. Высоцком и его трансформация в современном социуме // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 33–44. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-33-44

The myth of Vladimir Vysotsky and its further transformation in the modern Russian society

Evgeniya V. Brodsкая

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
eugenia.brodsкая@gmail.com*

Abstract. The article is focused on the myth of Vladimir Vysotsky to be formed by Soviet and Russian critics as much as the further transformation in the perception of his personality in the modern Russian society. The legacy of Vladimir Vysotsky is “appropriated” by the official culture, in fact, immediately

© Бродская Е.В., 2023

after his death. From an unrecognized singer during the lifetime, he becomes a classic included in school curricula. In the process the figure of the poet/singer is banalized as much as classified.

The contexts behind it lose their former meaning and are transformed to please representatives of certain socio-groups depending on their interests: from nativists to intellectuals.

Keywords: V.S. Vysotsky, society, power, Russian mass media, journalism, Soviet press

For citation: Brodskaya, E.V. (2023), "The myth of Vladimir Vysotsky and its further transformation in the modern Russian society", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 33–44, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-33-44

В.С. Высоцкий (1938–1980) – поэт, актер и исполнитель собственных песен. Ныне он цитируем, упоминаем, на слуху. Попробуем присмотреться к тому, какими смыслами нагружают понятие «В.С. Высоцкий» в современной культуре.

Фигура любого писателя и массив его произведений (или какая-то часть массива) востребованы обществом в той мере, в которой оно готово проецировать на них собственную, волнующую общество проблематику.

С одной стороны, Высоцкий – поэт, который, по сути, принадлежал при жизни к неофициальной культуре. Высоцкого знали все, он был невероятно популярен, но в официальном поле его как будто не существовало. При жизни поэт не был представлен для своей аудитории в «бумажных» текстах. Его песни расходились только в магнитофонных записях. Было несколько официально изданных пластинок – семь миньонов и один диск-гигант, выпущенный для экспорта: «Песни из кинофильма Вертикаль» (1968)¹; «Песни Владимира Высоцкого» (1972)²; «Песни Владимира Высоцкого» (1972)³; «Песни Владимира Высоцкого» (1974)⁴; «Владимир Высоцкий.

¹ Гибкая пластинка. Код ЗЗГД-000867, ЗЗГД-000868. Вошли песни: *Прощание с горами, Песня о друге, Вершина, Военная песня.*

² Код ЗЗД-00032907, ЗЗД-00032908. Вошли песни: *Он не вернулся из боя, Песня о новом времени, Братские могилы, Песня о земле.*

³ Код ЗЗД-00035249, ЗЗД-00035250. Вошли песни: *Мы возвращаем Землю, Сыновья уходят в бой, Аисты, В темноте.*

⁴ Код ЗЗС-0004607, ЗЗС-0004608. Вошли песни: *Корабли, Черное золото, Утренняя гимнастика, Холода.*

Песни» (1974)⁵; «В. Высоцкий. Песни» (1975)⁶; «Песни Владимира Высоцкого» (1975)⁷; «Баллады и песни» (1979; диск-гигант)⁸.

Исключение – перепечатка песен Высоцкого в региональных газетах после оглушительного успеха фильма С.С. Говорухина «Вертикаль» (1967)⁹. Единственная вышедшая в СССР при жизни его публикация – в альманахе «День поэзии»¹⁰. Только после смерти начинается издание его стихов в СССР: в 1981 г. выходит небольшой сборник «Нерв»¹¹, несвободный от цензурных искажений. Начиная с этого момента о Высоцком говорят в прессе, появляются критические отзывы о его творчестве и жизни. Высоцкого легитимируют, он получает официальное признание. В 1986 г. под руководством Р.И. Рождественского создана комиссия по наследию В.С. Высоцкого, а это уже официальное признание [Бродская 2014, с. 103–104]. Во второй половине 1980-х гг. перепечаток и переизданий становится все больше. Отчасти это обусловлено тем, что во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. в России происходит переконфигурация культурного поля, вызванная политическими изменениями в стране, и, как это обычно бывает в переходные эпохи, самые разные культурные группы стремятся завить о себе и предложить собственное понимание культурной парадигмы. Идет интенсивный процесс культурного переопределения, переоценки старых и выработки новых культурных иерархий.

Широко издавать Высоцкого начинают только после 1991 г. Таким образом его фигуру «апроприрует» официальная культура. И буквально в течение десятилетия, к рубежу веков, Высоцкий из «непризнанного» при жизни певца превращается в классика, включенного в школьные программы. Открывается возможность проследить, как именно происходит «апроприация» непризнанного автора в «большой» литературе с последующим включением в национальный литературный канон.

⁵ Гибкая пластинка. Код Г62-08447-8. Вошли песни: *Песня о переселении душ, Жираф, Лирическая, Ноль семь*.

⁶ Гибкая пластинка. Код Г62-04737, Г62-04738. Вошли песни: *Кони привередливые, Скалолазка, Москва–Одесса*.

⁷ Код М62-37515, М62-37516. Вошли песни: *Она была в Париже, Кони привередливые, Скалолазка, Москва–Одесса*.

⁸ Код С90-10769, С90-10770.

⁹ *Высоцкий В.* [«На братских могилах...»] // Рабочий. Куйбышев. 1967. 10 дек.; «Вертикаль» // Молот. Ростов н/Д., 1967. 7 июля; [*Высоцкий В.* «Если друг...»] // Электросила. Л., 1967. 4 марта.

¹⁰ День поэзии: [Альманах]. М.: Сов. писатель, 1975. С. 139.

¹¹ *Высоцкий В.С. Нерв*. М.: Современник, 1981. 237 с.

В свою очередь, это включение неизбежно приводит к метаморфозам в понимании того, что представляет собой литературное наследие данного автора: из зоны спора, живой полемики его тексты перемещаются в зону «признанных образцов», а за это заплачено тем, что они теряют актуальность и остроту, подвергаясь банализации.

С другой стороны, крайне любопытно посмотреть, как «работает» с фигурой В. Высоцкого постсоветская пресса. Здесь можно выделить несколько пиков волны интереса журналистского сообщества к Высоцкому. Юбилеи поэта становятся значимыми информационными поводами для печатных изданий и телевидения. Это 60-летие (январь 1998 г.), 65-летие (январь 2003 г.) и 70-летие (январь 2008 г.) со дня рождения, 75-летие (январь 2013 г.), 80-летие (январь 2018 г.) и оставившие менее заметный след 20-летие (июль 2000 г.) и 30-летие (июль 2010 г.) со дня смерти. Тут интересно проследить, как меняется акцент в публикациях о Высоцком, приуроченных к соответствующей дате, – насколько «разговор о Высоцком» переключается с «актуальными темами» текущего дня.

То, что происходит с Высоцким сейчас, показывает механизмы втягивания любого явления на поздних этапах его существования в современную коммерческую культуру, когда этот процесс сопровождается тривиализацией и банализацией самого объекта.

Явление культуры, обреченное на успех у миллионов, заведомо принадлежит культуре массовой, работающей с выхолощенными оболочками смыслов, не претендующей на проблемность, вызов, и т. п. Тут приходит на память Ги Дебор, писавший:

Движение банализации, усреднения, которое под броскими отвлекающими маневрами спектакля господствует в современном обществе по всему миру, так же доминирует и в каждой позиции, где развитое потребление товаров и внешне приумножило выбор ролей и объектов [Дебор 1999, с. 41].

Такой культурный объект уходит из поля рефлексии, он перестает нести какие-то смыслы, связанные с культурными маркерами, и становится «нашим всем», которое уже не требует восприятия, а просто работает как некая данность в расчете на то, что энное количество потребителей все равно за этим придут.

Социологический подход к культуре, который сформулировал, в частности, Пьер Бурдьё, предполагает, что каждый раз, когда мы анализируем высказывание, мы должны помнить и принимать во внимание не только, кто говорит и что говорит, но и – с какой позиции и с какой аудиторией [Бурдьё 2000, с. 22–87]. Так вот, банализация подразумевает исключение подобного подхода.

Поле современной культуры шьется как лоскутное одеяло, когда любые объекты укладываются в произвольный ассамбляж, главное, чтобы они несли какую-то разноцветную маркировку, но при этом ни в коем случае не вступали в противоречие друг с другом. Поэтому главный вопрос такого «пошива» будет не в том, против чего выступал такой-то и с чем он боролся и что доказывал, а некая условная позитивная маркировка, которая исключает любые другие качества.

Любопытно, как фигура В.С. Высоцкого оказывается вовлечена в этот процесс. Его репутация подвергается мифологизации. Происходит переосмысление наследия поэта, актера и певца.

Статус Высоцкого в системе советской культуры, по сути, не имел аналогов. Если работа Высоцкого в Театре на Таганке и кино связывала его, скорее, с интеллигентской культурой, то с песнями все было много сложнее. Л. Аннинский в главке о Высоцком, включенной в книгу «Барды», косвенно проговаривает, что существовало определенное несовпадение между сознанием Высоцкого и интеллигентским сознанием. Высоцкий был своего рода «инородным телом» в интеллигентской среде [Аннинский 1999, с. 74].

Святослав Рихтер после встречи с В.С. Высоцким и М. Влади делает запись в дневнике:

Здесь я никак не могу вибрировать, ни в отношении музыки (это просто мусор), ни в отношении слов (это для тех, кто читает газеты). Это мне сверхнеинтересно и несимпатично. Сам Высоцкий, вероятно, действительно талантлив в своем роде, и толпа за него¹².

При этом же Н.Я. Эйдельман после встречи с Высоцким отмечает, «сколь интеллигентен, культурен и сложен облик этого человека»¹³.

В статье, посвященной 65-й годовщине со дня рождения Высоцкого, Юрий Богомолов скажет:

На кухнях и у студенческих костров интеллигенция запела голосом Окуджавы. А улица, а народные массы оставались безъязыкими. Пока не обнаружился Высоцкий. Это его голосом, его словами, его образами заговорила толпа¹⁴.

¹² *Бирюкова Е.* Праздник откровенности: Изданы дневники Святослава Рихтера // Известия. 2003. 26 янв.

¹³ *Эйдельман Н.Я.* Высоцкий в контексте истории. URL: <https://giterleo.livejournal.com/129760.html> (дата обращения 07.06.2023).

¹⁴ *Богомолов Ю.* Он сотворил из себя миф // Известия. 2003. 24 янв.

В глазах интеллигенции Высоцкий был чужаком, маргиналом. Но потому-то к нему и прислушивались – иначе, чем к Окуджаве, иначе, чем к другим бардам. Он был неким независимым комментатором всего происходящего. Не голос среды, а – посторонний. За его траекторией следили – с восхищением, ревностью, даже злорадством.

Характерно, что признание при жизни Высоцкий в качестве поэта получил от... Иосифа Бродского. Собственно, тоже привыкшего чувствовать себя – пусть совсем иначе – в среде советской интеллигенции маргиналом. Существует полулегенда о дарственном экземпляре сборника «В Англии» Бродского, на котором автор написал: «Большому поэту – Владимиру Высоцкому»¹⁵.

Эта «внесистемность», внеположенность Высоцкого интеллигентской среде – при его популярности в народе (включая ту же интеллигенцию) и неотрефлексированности его песен как культурной ценности, принадлежащей *определенной* группе, – привели к тому, что в момент переконфигурации культурного поля, происходившей на границе 80–90-х гг. прошлого века Высоцкий оказался фигурой, требующей переосмысления, какого-то определения по отношению к себе, серьезной рефлексии.

И те, кто всерьез приценивался к роли лидера в новой культуре, постарались в это время предложить свои истолкования «феномена Высоцкого».

В результате Высоцкий все больше «классикализуется» – и свидетельством этого изменения его статуса становится вышедшая в 1993 г. в «Независимой газете» небольшая публикация А. Кулагина с характерным названием «Как перед вечною загадкой... “Пушкинская” песня Высоцкого»¹⁶.

Но тем самым фигура Высоцкого из зоны споров и уточнения позиций тех или иных интеллектуальных групп все больше смещается в зону интересов академического литературоведения, теряет живую актуальность, требующую пояснений, и становится не столько «болевым точкой современности», сколько частью истории литературы, архивированного прошлого.

Например, тому же А.В. Кулагину принадлежит работа «Поэзия В.С. Высоцкого. Творческая эволюция», впервые опубликованная в 1995 г. и выдержавшая три переиздания [Кулагин 2013]. В ней

¹⁵ В архиве Высоцкого дарственный экземпляр не сохранился. Текст посвятельной надписи известен со слов художника М. Шемякина, дружившего как с Бродским, так и с Высоцким.

¹⁶ Кулагин А.В. Как перед вечною загадкой...: «Пушкинская» песня Высоцкого [«Купола»] // Независимая газета. 1993. 24 июля.

автор достаточно подробно анализирует произведения Высоцкого и предлагает периодизацию его творческого пути.

Он же пишет книгу «Высоцкий и другие» [Кулагин 2002], которая собрала под одной обложкой статьи, написанные автором о Высоцком с начала 90-х гг. Часть статей посвящена таким проблемам, как «Высоцкий и фольклор», «Высоцкий и агрессия», анализу отдельных песен.

С конца 90-х гг. имя Высоцкого начинает все чаще мелькать в контекстах, весьма контрастных по отношению к тем, где оно появлялось в предыдущий период. На Высоцкого все активнее начинают «заявлять права» «почвенники», державники и «патриоты». Связано это с тем, что данные группы понимают: «символический капитал», ассоциирующийся с именем Высоцкого, достаточно велик, его песни любимы и узнаваемы, и если удастся объявить Высоцкого «своим», это принесет ощутимые дивиденды соответствующей идеологии.

Самая простая тому иллюстрация – появление в патриотической газете «Завтра» в блоке материалов, посвященных смерти Сталина, юношеского, совершенно беспомощного в своей неоригинальности, стихотворения Высоцкого, написанного под впечатлением от смерти вождя:

Опоясана трауром лент,
Погрузилась в молчанье Москва.
Глубока ее скорбь о вожде,
Сердце болью сжимает тоска.

Я иду средь потока людей,
Горе сердце сковало мое,
Я иду, чтоб взглянуть поскорей
На вождя дорогого чело.

В эти скорбно-тяжелые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не шадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей¹⁷.

Такого рода намеренное игнорирование контекстов – не редкость, когда сторонники почвеннической литературы пускаются в рассуждения о Высоцком. Характерно, например, как В. Бараков,

¹⁷ *Высоцкий. В. Опоясана трауром лент... // Завтра. 2003. № 3 (79). 18 марта.*

автор монографии «“Почвенное” направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция» [Бараков 2004], рассматривая взаимоотношение поэтик В. Высоцкого и Н. Рубцова, в пределах одной страницы сперва ссылается на П. Вайля и А. Гениса, писавших, что Высоцкий стал

поэтом нового русского национализма <...> *Герой его песен противопоставляет империи свое обнаженное и болезненное национальное сознание. Высоцкий, заменивший к концу 60-х Евтушенко на посту комментатора эпохи, открывает тему гипертрофированного русизма. Антитезой обезличенной, стандартизированной империи становится специфически русская душа, которую Высоцкий описывает как сочетающую экстремальные крайности (курсив мой. – Е. Б.)* [Вайль, Генис 1996, с. 290–291], –

и тут же переходит к цитате из В.Г. Бондаренко, которая вводится следующим образом:

Одной из главных тем у В. Высоцкого была тема «маленького» человека, и социальный подтекст его лирики был во многом сходен с подобным подтекстом в поэзии Н. Рубцова. Их объединяла и общая боль, трагизм (в частности, трагический конфликт между властью и личностью), и ориентация на определенного читателя (слушателя) «из народа». Высоцкий – почвенник барака, его почва – «лимита» семидесятых годов, обитатели «хрущоб», архаровцы поселков городского типа. Хоть и слабые – в отличие от крестьянских, – но живые корни живого народа [Бондаренко 1995, с. 68].

К слову, в другой своей книге – «Дети 1937 года», где Высоцкому специально посвящена отдельная глава, – Бондаренко скажет:

А наши либеральные талантливые прозаики, поэты, волею судьбы, как бы ни протестовали в газетных статьях, будут последними солдатами империи. Уже и спецчасти выйдут отовсюду, уже и пограничники встанут на новые российские рубежи, а либеральная литература будет славить Великую Империю. Кто же они – русские империалисты? Да [Бондаренко 2001, с. 159].

На это «волею судьбы», записавшей их, устами Бондаренко, в «солдаты Империи», герои его книги могли бы сказать: «Без меня меня женили». И дело в том, что наряду со здравствующими ныне авторами (например, Людмилой Петрушевской) львиная доля тех, кто был выбран критиком в персонажи его «Детей 1937 года»:

Александр Вампилов, Венедикт Ерофеев, Геннадий Шпаликов, Сергей Аверинцев, Юрий Коваль, Владимир Высоцкий, – возразить Бондаренко уже никак не могут, ибо находятся, по Бродскому, в пределах «вестимо немых губерний».

Таким образом, можно говорить о том, что фигура В.С. Высоцкого чаще попадает в следующие контексты.

1. Высоцкий – выразитель абсолютного стремления к свободе и независимости; этот контекст характерен для публикаций первой половины 90-х гг.

2. Высоцкий – выразитель всеядности советской интеллигенции, ее склонности к половинчатости и конформизму. Подобные мотивы отыгрывались в публикациях, выражающих позицию так называемых новых интеллектуалов вроде Дм. Бавильского в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Эти же мотивы легко перетекли, уже в 2000-е гг., в публикации, явно ориентированные на «офисную» среду, когда часть «интеллектуалов» встроилась в новый социум и активно занялась откровенным обслуживанием новой идеологии, как круг авторов, связанных с интернетовским «Русским журналом» Глеба Павловского, газетой «Взгляд» и т. п.

3. Высоцкий – выразитель «русского характера», не нашедший в себе сил в эпоху безвременья опереться на истинные ценности, но неосознанно оформляющий представления, весьма близкие нынешним патриотам «имперского разлива» вроде В.Г. Бондаренко. Этот мотив все явственнее звучит в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и связан с попытками корректировки «патриотического» канона русской литературы.

Это три совершенно разных, по сути – взаимоисключающих, контекста «интерпретации» Высоцкого, которые достаточно социализированы и «работают» не на понимание его творчества, а на утверждение ценностей соответствующих социокультурных групп. Мы видим, как любой культурный объект, вовлеченный в «медийное поле», утрачивает собственные качества и становится заложником неких общих тем, актуализированных СМИ.

Эволюция образа Высоцкого, формируемого телевидением в рамках освещения юбилеев Высоцкого с 1998 по 2008 г., показывает, как его фигура превращается в определенный потребительский бренд, из которого, по возможности, устранены сложные смысловые составляющие. 2003 год (65-летнего юбилея поэта) президент России В.В. Путин объявил «годом Высоцкого», подчеркнув:

Творчество Высоцкого и сам Высоцкий как личность носят исключительно объединяющий характер. Вокруг такого человека

могли бы объединиться все – левые, правые, центристы, для нас это крайне важно сейчас¹⁸.

И вот уже Первым каналом (тогдашним ОРТ) в том же 2003 г. показан пятисерийный фильм о Высоцком под названием «Я, конечно, вернусь»¹⁹.

Пожалуй, наиболее точное определение этому процессу дает журналист и писатель А. Гаррос:

Про Высоцкого, которому в минувшую пятницу стало бы семьдесят, сказано решительно всё. Совсем всё: самое глупое и самое точное, самое пошлое и самое тонкое, самое интимное и самое объективное, самое гнусное и самое благородное. Все истинные, сомнительные и самоназначенные друзья, соратники, жены, любовницы, коллеги и собутыльники разродились мемуарными вскрытиями – или уж хотя бы выпотрошены с пристрастием интервьюерами. <...> Все эссеисты, колумнисты и прочие словоплеты, способные связать хоть «а» и «бэ» и потому обреченные на писание про «культовые фигуры» и «поколенческие символы», отстрелялись по феномену Высоцкого навскидку, от бедра и с двух рук по-македонски²⁰.

Высоцкий постепенно становится «звездой», воплотившей в себе стремление к «свободе как таковой», т. е. не «к свободе от чего-то» или «свободе для чего-то» – а «свободе вообще»: примерно так используют знаменитую фотографию Че Гевары в рекламных компаниях продуктов, ориентированных на молодежь. Все больше размывается его связь с эпохой, смысл его творчества – его песни исполняют звезды нынешней поп-культуры, превращая их в «шлягеры с надрывом» (в основном, плохо спетые), а свойственная Высоцкому резкая поляризация добра и зла, жесткая этика объявляются пережитком «отсталого сознания», не дотягивающего до требований современной эпохи²¹.

Пожалуй, одним из значимых явлений в деле мифологизации фигуры В.С. Высоцкого выступает фильм «Высоцкий. Спасибо,

¹⁸ Год Высоцкого. URL: http://gramota.ru/lenta/news/8_1204 (дата обращения 18.06. 2023).

¹⁹ «Я, конечно, вернусь», реж. В. Смирнов, продюсер А. Эмир-Шах. 2003 г.

²⁰ Гаррос А. За себя // Эксперт. 2008. 28 янв. URL: https://expert.ru/expert/2008/04/za_sebya/ (дата обращения 18.06.2023).

²¹ Архангельский А. Прощай, Высоцкий!: Какое время на дворе, таков Мессия // Взгляд. 2008. 25 янв.

что живой»²² (автор сценария – сын В.С. Высоцкого Н.В. Высоцкий). В нем прямо проговаривается наркотическая зависимость Высоцкого, а сюжет закручен вокруг клинической смерти поэта и актера, которую тот пережил в действительности.

Фильм о В.С. Высоцком – с одной стороны, квинтэссенция певца, поэта и автора как явления культуры, а с другой – совершенное выхолащивание смыслов внутри этого культурного явления. И вот уже Высоцкий в одной из сцен фильма молится за всех своих близких и за людей во всем мире. Или уговаривает полковника КГБ быть честным человеком и дать ему улететь домой на самолете, а не вербовать и не «сажать на поводок», как выражается главный герой. Как ни странно, экранный Высоцкий пробуждает в полковнике человечность, и тот отпускает певца, рискуя собственной карьерой (тут на память приходит известная характеристика чекиста с «холодной головой, чистыми руками и горячим сердцем»).

Мы наблюдаем банализацию смыслов вокруг фигуры Высоцкого (смыслов, которые за ним стоят, и они важны для разных социокультурных слоев), и в то же время жизнь Высоцкого окончательно подвергнута мифологизации, потому что фильм – это одно из последних и самых мощных средств, с помощью которого можно закрепить восприятие той или иной культурной фигуры, влияющей на общество. И тогда фигура становится иконой, требующей поклонения, но не осмысления.

Литература

- Аннинский 1999 – Аннинский Л.А. Барды. М.: Согласие, 1999. 160 с.
- Бараков 2004 – Бараков В.Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция. Вологда: Изд-во «Русь» ВГПУ, 2004. 268 с.
- Бондаренко 1995 – Бондаренко В.Г. Крах интеллигенции: Злые заметки Зоила. М.: Паляя, 1995. 239 с.
- Бондаренко 2001 – Бондаренко В.Г. Дети 1937 года. М.: Информпечать ИТРК, 2001. 639 с.
- Бродская 2014 – Бродская Е.В. Феномен В.С. Высоцкого в советской прессе 80-х гг. XX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2014. № 12. С. 101–111.
- Бурдые 2000 – Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
- Вайль, Генис 1996 – Вайль П., Генис А. 60-е: мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 429 с.

²² Реж. П. Буслов. Премьера состоялась 1 декабря 2011 г.

- Дебор 1999 – *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 1999. 183 с.
- Кулагин 2002 – *Кулагин А.В.* Высоцкий и другие. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2002. 195 с.
- Кулагин 2013 – *Кулагин А.В.* Поэзия Высоцкого: Творческая эволюция. 3-е изд., перераб. Воронеж: Эхо, 2013. 227 с.

References

- Anninskii, L.A. (1999), *Bardy* [The Bards], Soglasie, Moscow, Russia.
- Barakov, V.N. (2004), *Pochvennoe napravlenie v russkoi poezii второй poloviny XX veka: tipologiya i evolyutsiya* [The nativists' wing in Russian literature in the second half of the 20th century], Vologda, Moscow, Russia.
- Bondarenko, V.G. (1995), *Krakh intelligentsia: Zlye zametki Zoila* [The collapse of intellegentia. Zoil's evil angry notes], Paleya, Moscow, Russia.
- Bondarenko, V.G. (2001), *Deti 1937 goda* [Children of 1937], Informpechat' ITRK, Moscow, Russia.
- Bourdieu, P. (2000), "The field of literature", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 45, pp. 22–87.
- Brodskaya, E.V. (2014), "Phenomenon of V.S. Vysotsky in Soviet media of 1980s", RSUH/RGGU *Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 12, pp. 101–111.
- Debord, G. (1999), *Obshchestvo spektaklya* [The performance society], Logos, Moscow, Russia.
- Kulagin, A.V. (2002), *Vysotskii i drugie* [Vysotsky and others], GKTsM V.S. Vysotskogo, Moscow, Russia.
- Kulagin, A.V. (2013), *Poeziya Vysotskogo: Tvorcheskaya evolyutsiya* [Poetry of V.S. Vysotsky. Creative evolution], Ekho, Voronezh, Russia.
- Vail', P. and Genis, A. (1996), *60-e: Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The world of the Soviet person], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгения В. Бродская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; eugenia.brodskaya@gmail.com

Information about the author

Eugenia V. Brodskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; eugenia.brodskaya@gmail.com

УДК 070:94(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-45-53

Освещение Крымской войны в газете “The Times” (ноябрь–декабрь 1853 г.)

Михаил Ю. Бобков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bobkov-misha@mail.ru*

Аннотация. В данной статье речь пойдет об освещении первого периода Крымской войны в газете “The Times”, при этом под первым периодом подразумевается время с начала войны и до первого серьезного поражения Турецкого флота: Синопского сражения. Анализируются материалы, напечатанные в “The Times” в период с 19 ноября по 12 декабря 1853 г., в которых прямо или косвенно упоминается Крымская война. Речь идет о боевых действиях, перемещениях армий и флота, а также о политической игре, которая разворачивалась в тот момент между наиболее влиятельными и заинтересованными странами Европы и Азии. В статье будут проанализированы подача материала на страницах “The Times”, скорость передачи сведений и их достоверность, отношение к сторонам конфликта.

Ключевые слова: Крымская война, “The Times”, газеты, Битва при Олtenитце, Синопское сражение, журналистика

Для цитирования: Бобков М.Ю. Освещение Крымской войны в газете “The Times” (ноябрь–декабрь 1853 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 45–53. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-45-53

The Times’ coverage of the Crimean War (November – December 1853)

Mikhail Yu. Bobkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bobkov-misha@mail.ru*

Abstract. This article deals with the coverage of the first period of the Crimean War (1853–1856) in The Times. The first period in this article is considered to be the period from the beginning of the war up to the first serious defeat of the Turkish navy: the Battle of Sinop. The articles published in The Times between

© Бобков М.Ю., 2023

November 19 and December 12, 1853, which directly or indirectly refer to the Crimean War, are analyzed. It is about the fighting, the movements of armies and navies, and the political game that was unfolding at that moment between the most influential and interested countries in Europe and Asia. This article will analyze the presentation of the material in *The Times*, the speed and accuracy of the information, and the treatment of the parties to the conflict.

Keywords: Crimean War, *The Times*, newspapers, Battle of Oltenitz, Sinop battle, journalism

For citation: Bobkov, M.Yu. (2023), "The Times' coverage of the Crimean War (November – December 1853)", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 45–53, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-45-53

Существует множество работ, посвященных Крымской (или Восточной, как ее часто называют в англоязычных источниках) войне. Есть и несколько работ, описывающих освещение Восточной войны в прессе, и работы, в которых речь идет об истории газеты "The Times". Однако нет работ, подробно рассматривающих освещение Крымской войны именно этой газетой. В данной статье речь пойдет о первом периоде войны: с ее начала до Синопского сражения. Именно это сражение стало одним из переломных моментов в ходе освещения Крымской войны в британской прессе.

Отношения между Англией и Россией, сложившиеся к середине XIX в., были сложными. Войны с Наполеоном давно прошли, и после победы над общим врагом интересы двух держав начали стремительно расходиться [Conacher 1987, pp. 9–12]. Однако, например, в 1844 г., во время визита императора Николая I в Лондон, отношения еще не были натянутыми. Об этом свидетельствует статья в "Morning Post", рассказывающая о прибытии российского правителя в столицу Британской империи: "A confident glance, impeccable manners, and most significantly, a knight nobility breathed by ever gesture he made..." («Уверенный взгляд, безукоризненные манеры, рыцарское благородство прослеживаются в каждом жесте...»)¹.

Отношение к России в Англии в целом и в британской прессе в частности стало резко ухудшаться сразу после этого визита. Есть предположения, что виной стали не самые удачные переговоры².

¹ [Б. а.] Imperial visit // Morning Post. 1844. June 1. Здесь и далее перевод мой – М. Б.

² Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг.: В 4 т. М.: Принципиум, 2019. Т. 1. С. 25–39.

Кроме того, причиной был очередной конфликт между Россией и Османской империей. К моменту начала Крымской войны она была в упадке, в частности, из-за постоянных войн с Россией. Поэтому фактически она находилась в экономической зависимости от Англии: Англия навязывала Османской империи выгодные для себя торговые договоры³. Разумеется, британская пресса об этих договорах высказывалась исключительно в положительном ключе, а об Османской Империи говорила как о верном союзнике.

Первая статья в “The Times”, посвященная Крымской войне, вышла 19 ноября 1853 г. Она располагалась на первой полосе и представляла собой обширное и точное описание политической ситуации. Очень подробно рассказано о предпосылках и поводах для объявления войны: “We have no longer to deal with the comparatively narrow point of a Russia protectorate of the Orthodox Church shadowed forth in a diplomatic paper, but all past and future relation of these two empires are thrown open to controversy...” («Нам больше не приходится иметь дело со сравнительно слабым российским протекторатом Православной церкви, существующим только на бумаге, но все прошлые и будущие отношения этих двух империй становятся открытыми для споров...») Автор статьи не остается беспристрастным и дает прямую оценку последствий объявления Турцией войны России: “The bitterest enemy that empire ever had could desire no greater punishment to fall on Nicolas and his people...” («Худший враг империи не мог пожелать большего наказания Николаю и его народу...»)⁴

Скорее всего, у автора было достаточно оснований для подобного заявления: к тому моменту британский посол сэр Чарльз Стратфорд-Редклиф уже пообещал английскую помощь османам в случае войны. На стороне Англии, а соответственно и Османской империи, должна была выступить Франция, что уже давало огромное преимущество союзникам [Тарле 2011, с. 28–42].

С этой довольно обширной статьи в “The Times” началась отдельная рубрика “Russia and Turkey” («Россия и Турция»), которая выходила практически каждый день и описывала исключительно конфликт между этими двумя империями. В ней публиковались как военные, так и политические новости. Необходимо отметить, что для “The Times” того времени характерна подача материалов отдельным единым блоком. Вместо того чтобы дробить новости на мелкие статьи, предпочтительнее считалось представ-

³ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 [В 2 т.]. СПб.: Полигон, 2002. С. 44–56.

⁴ [Б. а.] Russia and Turkey // The Times. 1853. Nov. 19.

лять их большими текстами. Также для “The Times” характерен ряд из нескольких статей, посвященных одной теме или событию, печатавшихся несколько дней подряд. Помимо “Russia and Turkey”, в “The Times” было множество других рубрик, которые не всегда относились напрямую к боевым действиям, но эти действия часто в них упоминались. Речь идет о рубриках, отданных под освещение событий в конкретных европейских странах. Так, в рубрике “France” («Франция») все чаще говорилось о том, что французы – это верные союзники Британии и что они непременно помогут в грядущем конфликте, в рубрике “Prussia” («Пруссия») и “Austria” («Австрия») – о том, какую роль смогут сыграть эти две страны в надвигавшемся конфликте, а в рубрике “Turkey” («Турция») периодически упоминалось о дислокации войск Османской империи.

В материале, вышедшем 21 ноября 1853 г., рассказывалось о заявлении турецкого султана по поводу начавшейся войны:

The scale on which hostilities have now commenced between Turkey and Russia, from the banks of the Danube to the frontiers of the Caucasus, leaves no hope of a speedy termination of this conflict by any direct arrangement between the belligerent Powers; for Sultan has publicly announced his determination to take the field in spring, and the Emperor of Russia will certainly be roused by the humiliating outact of this campaign to prosecute the war with increased energy. (Масштабы, в которых теперь начались военные действия между Турцией и Россией, от берегов Дуная до границ Кавказа, не оставляют надежды на скорейшее прекращение этого конфликта путем какого-либо прямого соглашения между воюющими державами, ибо султан публично объявил о своем намерении выступить весной, и император России, несомненно, будет оскорблен унижительным исходом этой кампании и продолжит войну с возросшей энергией.)

И в этой же публикации, ссылаясь на сообщение из Бухареста (переданное с помощью телеграфа) от 16 ноября, “The Times” пишет, что русским войскам пришлось отступить в малую Валахию, а турки продолжают удерживать Калафат (небольшой город и опорный пункт в Румынии): “It is said that the Russian troops have evacuated Lesser Wallachia. The Turks are still firmly posted at Kalafat” («Это значит, что российские войска отошли в малую Валахию. Турки все еще прочно стоят в Калафате»)⁵. Затем редакция смещает акценты, утверждая, что некоторые события позволяют надеяться на заключение скорейшего мира в Европе.

⁵The Times. 1853. Nov. 21.

Продолжает рассказ о событиях в Румынии материал от 22 ноября 1853 г. Начинается повествование со справедливого заявления о том, что ход военных действий в Валахии очень сложно спрогнозировать:

The telegraphic despatches which have reached this country during the last week from the seat of war in Wallachia will have been sufficient in themselves to show the absolute impossibility of venturing beyond conjectures with regard to the results, or even the operations, of pending campaign. (Телеграфные депеши, поступившие в эту страну в течение последней недели с места войны в Валахии, сами по себе достаточны, чтобы показать абсолютную невозможность выйти за пределы предположений относительно результатов или даже операций предстоящей кампании.)

Упоминается правильное, хотя немного устаревшее на тот момент расположение войск на фронте, делаются и предположения о дальнейших действиях: “Report further add, that all the other Turkish positions on the left bank, except that of Kalafat, have been abandoned also, but it is confessed, that the retreat has been effected in every case without molestation” («Далее в донесении сообщается, что все другие турецкие позиции на левом берегу, за исключением Калафата, также оставлены, но утверждается, что отступление было эффективным на каждом этапе и произведено без каких-либо помех»)⁶. Заканчивается материал выводами о том, что вскоре эта кампания завершится победой Турции.

В публикации от 23 ноября говорится об идущем к русским войскам в Яссах подкреплении: “The 3th and 5th Russian corps are on their march, but up to the present time no fresh troops arrived to Jassy” («3-й и 5-й русские корпуса находятся на марше, но до настоящего времени свежие войска в Яссы не прибыли»)⁷.

24 ноября приходят первые новости о довольно значительном вооруженном столкновении. Это сражение произошло при форсировании Дуная русскими войсками близ Ольтеницы (небольшого города в Румынии): русская армия была вынуждена отступить, но туркам также пришлось покинуть левый берег Дуная, предварительно уничтожив укрепления [Яковлев 2007, с. 122–128]. Изначально в “The Times” это отступление представлено в более выгодном для Османской империи свете:

⁶ Ibid. Nov. 22.

⁷ Ibid. Nov. 23.

No information has yet transpired to affect the opinions recently formed upon the conduct of the Ottoman Army. It appears beyond all question that the Turks maintained their position at Oltenitza with the utmost intrepidity, and that neither in science nor discipline did they evince any inferiority to their assailants (До сих пор не поступило никакой информации, которая могла бы повлиять на недавно сформировавшееся впечатление о боеспособности турецкой армии. Не подлежит сомнению, что турки с величайшей отвагой удерживали свои позиции в Ольтенице и что ни в военной науке, ни в дисциплине они не уступали своим противникам)⁸.

Действия турецкой армии описываются если не как победа, то и совсем не как поражение: “Omar Pasha could only be dislodged from the left bank of the Danube by the concentration of the whole Russian force in the Principalities, and, even before this demonstration, he retreated without loss and without dishonor” («Омар-Паша был вытеснен с левого берега Дуная только сосредоточением всего русского войска в княжествах, но еще до их появления он отступил с честью и без потерь»)⁹. Стоит отметить, что о битве под Ольтеницей говорилось и ранее (например, в материале от 22 ноября), но там есть лишь упоминание без итогов и выводов. В дальнейших материалах радость от победы в этом сражении уступила место куда более здравому размышлению о том, что оно не принесло никаких весомых преимуществ ни одной из сторон.

Нужно отметить, что, когда речь идет о политике, в материалах “The Times” встречаются неточные и поспешные выводы. Так, материал в “Russia and Turkey”, вышедший 6 декабря 1853 г., развивает тему «политического поражения» Российской империи. В нем очень подробно описываются переговоры между Францией, Англией, Австрией и Пруссией и объясняется, почему это союз действительно имеет огромную силу. Также публикуется информация, полученная из Бухареста и датированная 29 ноября. В этом отрывке сообщается, что в боевых действиях между турецкими и русскими солдатами ни одной из сторон не удастся захватить преимущество: “Neither the Russians nor the Turks at Kalafat have made a movement in advance” («Ни русские, ни турки не смогли продвинуться вперед в боях при Калафате»)¹⁰.

Однако уже 7 декабря выходит материал, посвященный опровержению информации о сформировавшемся союзе “Four

⁸The Times. 1853. Nov. 24.

⁹Ibid.

¹⁰Ibid. Dec. 6.

Powers” («Четыре Силы») – так называют в “The Times” альянс между Францией, Англией, Австрией и Пруссией: “It is authentically stated, that the report an alliance had been formed between the Four Powers is incorrect; a collective note has been drawn up, but no mutual pledge given to enforce its acceptance” («Достоверно известно, что сообщение о союзе, заключенном между четырьмя державами, неверно; была составлена только программа, но не было дано взаимных обещаний, чтобы обеспечить ее принятие»)¹¹. В данном случае речь идет не об ошибке, а именно о неточности и поспешности в выводах: через несколько дней этот союз был заключен.

Вскоре пришла информация из Вены, что все четыре стороны альянса подкрепили свои намерения взаимными обязательствами:

The Moniteur states, that Protocol was signed at Vienna on the 5th inst., by France, England, Austria, and Prussia, who are perfectly agreed to combine in re-establishing peace between Russia and the Porte on honourable terms, and to maintain the territorial integrity of the Ottoman territory as an essential condition to the balance of the European Powers («Монитор» утверждает, что протокол был подписан в Вене 5-го числа Францией, Англией, Австрией и Пруссией, которые полностью согласны объединиться в стремлении восстановить мир между Россией и Турцией на достойных условиях и поддерживать территориальную целостность Османской империи как необходимое условие баланса сил в Европе)¹².

Рубрика “Russia and Turkey” временно прекратила существование с началом активных боевых действий на Черном море. Вероятно, это было связано с возросшим количеством сведений, поступавших в редакцию. Поэтому вместо одной рубрики появилось множество колонок, затрагивавших разные аспекты конфликта.

Самым ярким событием начала Восточной войны является Синопское сражение. Во-первых, это самая крупная морская битва войны. Во-вторых, это последнее большое сражение с использованием парусных судов. В-третьих, эта баталия является поворотным пунктом в освещении Крымской войны со стороны “The Times”. До Синопского сражения большинство газет Британской империи были относительно лояльны по отношению к России, хотя, конечно, отдавали предпочтение османам. После же победы русского оружия большинство газет (как и правительство Британии, «вла-

¹¹ Ibid. Dec. 7.

¹² Ibid. Dec. 9.

дычицы морей») посчитало это вызовом, на который необходимо ответить¹³.

Статья о событиях в Синопской бухте выходит на страницах “The Times” 12 декабря 1853 г. Появляется она под рубрикой “Express from Paris” («Срочно из Парижа»). События самого сражения описаны очень четко и достоверно:

On the 30th of November six Russian ships of the line, under Admiral Nachimoff, attacked a Turkish squadron at Sinope, and, notwithstanding the violent fire of the land batteries in the roads, in an hour and a-half completely destroyed seven Turkish frigates, one steam-frigate, two schooners, and three transport ships (30 ноября шесть русских линейных кораблей под командованием адмирала Нахимова атаковали турецкую эскадру в Синопе и, несмотря на ожесточенный огонь береговых батарей, в течение полутора часов полностью уничтожили семь турецких фрегатов, один паровой фрегат, две шхуны и три транспортных судна)¹⁴.

Об отношении к событиям автора материала можно судить по тому, что битва была названа “Massacre of Sinope” («Синопская резня»), адмирал Нахимов же удостоился прозвища “Bear-Admiral” («Медведь-Адмирал»). Ближе к концу статьи начинают звучать призывы к Франции и Англии помочь турецкому султану.

По результатам исследования можно сказать, что интерес к Восточной войне со стороны британской прессы в период с 19 ноября по 12 декабря 1853 г. был очень высоким, публикации о войне появлялись в “The Times” практически каждый день. Проанализированные материалы точно описывали сражения и маневры войск, но при этом допускали искажения фактов при описании общей политической обстановки. К России до Синопского сражения газеты относились сдержанно, резко негативным это отношение назвать нельзя. И характер публикаций, и отношение к России на страницах газеты изменились после Синопского сражения и вступления в войну европейских держав.

Литература

- Тарле 2011 – *Тарле Е.В.* Крымская война. [Т. 1.] СПб.: Наука, 2011. 318 с.
 Яковлев 2007 – *Яковлев А.И.* Крымская война: 1853–1856. М.: Паломник, 2007. 423 с.
 Conacher 1987 – *Conacher J.B.* Britain and the Crimea, 1855–1856. Problems of war and peace. L.: Palgrave Macmillan, 1987. 299 с.

¹³ *Прутицков Г.В.* История зарубежной журналистики: 1800–1929. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 75–76.

¹⁴ [Б. а.] Express from Paris // The Times. 1853. Dec. 12.

References

- Conacher, J.B. (1987), *Britania i Krym, 1855–1856: Problemy voiny i mira* [Britain and the Crimea, 1855–1856. Problems of war and peace], Palgrave Macmillan, London, UK.
- Tarle, E.V. (2011), *Krymskaya voina* [Crimean war], vol. 1, Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Yakovlev, A.I. (2007), *Krymskaya voina: 1853–1856* [The Crimean war of 1853–1856], Pilgrim, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил Ю. Бобков, студент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bobkov-misha@mail.ru

Information about the author

Mikhail Yu. Bobkov, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; bobkov-misha@mail.ru

УДК 070:784

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-54-62

Полемика о джазе в советской военной периодике (1941–1945)

Андрей И. Коваль

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, terfetum@mail.ru*

Аннотация. Полемика о джазе в советской прессе – часть масштабной научной темы, связанной с восприятием музыкальной культуры советским обществом. Анализ этой полемики важен и для истории отечественных СМИ, и для анализа общественных настроений в СССР. В данной статье рассматривается отражение джаза как культурного феномена в советской периодике Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Объектом анализа стали выступления джаз-оркестров на фронте и в тылу и реакция на эти выступления со стороны прессы. На основании военных публикаций в специально-искусствоведческих СМИ автор пытается выявить роль джазовой музыки в культуре военного времени.

Ключевые слова: джаз, военная пресса, газеты, война, музыка, культура

Для цитирования: Коваль А.И. Полемика о джазе в советской военной периодике (1941–1945) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 54–62. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-54-62

Controversy about jazz in Soviet military periodicals (1941–1945)

Andrei I. Koval

*Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia,
terfetum@mail.ru*

Abstract. The controversy about jazz in the Soviet press is part of a large-scale scientific topic related to the perception of musical culture by Soviet society. The analysis of this controversy is important both for the history of the domestic media and for the analysis of public sentiment in the USSR. This article examines the reflection of jazz as a cultural phenomenon in the Soviet periodicals of the Great Patriotic War of 1941–1945. The object of the analysis

© Коваль А.И., 2023

was the performances of jazz orchestras at the front and in the rear and the reaction to these performances from the press. On the basis of military publications in the specially-art media, the author tries to identify the role of jazz music in the culture of wartime.

Keywords: Jazz, military press, newspapers, war, music, culture

For citation: Koval, A.I. (2023), “Controversy about jazz in Soviet military periodicals (1941–1945), *RSUH/RGGU Bulletin*, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no. 10, pp. 54–62, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-54-62

Советское правительство в годы Великой Отечественной войны относилось к деятелям музыкальной культуры с почтением. Им была предоставлена исключительная привилегия – освобождение от всеобщей мобилизации¹. Логика руководства понятна. Процесс обучения хорошего музыканта требует больших усилий и времени, часто профессиональное становление может затянуться на несколько десятилетий. Гибель же отдельного музыканта к победе на фронте привести не могла, зато она могла – тем более, если этот музыкант был популярен – негативно отразиться на настроениях советских людей, в том числе и воевавших солдат. Живые артисты своими выступлениями могли принести большую пользу, выступая на фронте, морально поддерживая солдат, укрепляя их патриотический настрой, давая им возможность отдохнуть. Л.О. Утесов вспоминал:

Среди многих фотографий, привезенных из фронтовых поездок, одну я храню с особой бережностью. На ней запечатлены советские автоматчики, только что вернувшиеся с боевой операции, и артисты нашего джаз-оркестра. В руках у солдат их боевое оружие. Полчаса назад немало врагов приняло смерть, посланную из этих автоматов. В руках у артистов музыкальные инструменты. От них никто не умирал, но это тоже меткое оружие².

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации по... военным округам // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. URL: https://archive.mil.ru/archival_service/central/resources/collection/gallery.htm?id=10968@cmsPhotoGallery (дата обращения 19.06.2023).

² *Утесов Л.* Спасибо, сердце! М.: Всероссийское театральное общество, 1976. С. 123.

Сразу после начала войны на пленуме ЦК профсоюза работников искусств было озвучено специальное обращение: «Где бы ни находились части нашей Красной армии и Военно-морского флота, работники искусств разделят с бойцами фронтовую жизнь»³. Эта фраза вполне касалась и музыкантов, и, в частности, исполнителей джаза. Музыковед И.В. Нестьев писал в первые дни войны:

Нет такого жанра, который не мог бы воплотить в себе больших идей обороны Родины... В самом деле, разве джаз с его сатирическими и инструментально-изобразительными средствами не может быть прекрасно использован для пропаганды новых военно-патриотических и антифашистских песен?⁴

Активные боевые действия на фронте требовали не менее активной реакции тыла и, в том числе работников культуры. В первом военном номере газеты «Советское искусство» сообщалось: «Для джаз-оркестров в ближайшие дни будут изданы ноты антифашистских песен Д. Кабалевского и А. Цфасмана». Согласно той же газете, джаз-оркестры в кратчайшие строки подготовили военные программы и выехали на фронт⁵.

Например, Теа-джаз Бориса Ренского с программой «Страна героев» несколько раз выступил в частях московского гарнизона и одним из первых уехал на Западный фронт. Оценки выступления Ренского воинскими газетами были высокими⁶. Оркестр Утесова, ставший Государственным джаз-оркестром РСФСР, выступал с программой «Бей врага!» в «Эрмитаже» и на московских вокзалах для отъезжавших на фронт бойцов, а после – на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, а оттуда поехал на Калининский и Волховский фронты.

Позже Утесов в своих мемуарах так вспоминал военные времена и их влияние на музыкальный коллектив:

Если бы не война, мы постепенно превратились бы в театр – все шло к этому... Утром 22 июня мы репетировали новую театральную программу... Репетиция шла весело... По радио говорят о чем-то важном... Война... что делать? Напевать, шутить и играть было уже не ко

³ Очерки истории русского советского драматического театра: В 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2. С. 12.

⁴ *Нестьев И.В.* Песни Отечественной войны // Советское искусство. 1941. 29 июня.

⁵ См.: Издание массовых военных песен // Там же.

⁶ См.: Боевая эстрада: Артисты у бойцов // Там же. 7 авг.

времени... «Бей врага!» – так будет называться наша первая военная программа⁷.

Далее артист описывает, каким образом он вместе с коллективом решил перестроить уже имеющуюся шутиливую и вполне светскую программу. Артисты решили, что «сатирический смех – действительно грозное оружие. Да и когда же, как не в тяжелые дни больше всего нужна шутка?!»⁸ Понимание необходимости сохранить оптимизм даже перед лицом смертельной опасности привело к формированию репертуара, с одной стороны, из боевых и воодушевляющих, а с другой – из полушутливых сатирических песен. Иногда эти песни переделывались из старых, хорошо известных песенных мотивов. Например, хит военных лет – сатирическая песня «Барон фон дер Пшик», исполнявшаяся Утесовым, – переделана из мирового шлягера “Bei mir bist du schön”, известного и в СССР⁹.

Помимо оркестра Утесова, на фронте также выступали джаз-оркестры А.Н. Цфасмана (оркестр Всесоюзного радиокомитета, ВРК), Б.П. Карамышева, К.И. Шульженко, А.В. Семенова, а также Ансамбль песни и пляски Центрального дома культуры железнодорожников под управлением И.О. Дунаевского. На протяжении лета 1942 г. джаз-оркестр ВРК выступил более 100 раз на фронте, исполняя как джазовый, так и сатирический репертуар. Музыканты своими выступлениями пытались охватить все сферы военной жизни, начиная от передовой и заканчивая госпиталями.

Согласно сведениям, приводимым А.Н. Баташевым, на фронте афиши выступлений расклеивались «почти одновременно с приказами военных комендантов» [Баташев 1972, с. 95]. Среди джазовых коллективов существовал негласный обычай выступать уже в освобожденных городах. Оркестры играли в освобожденных Кишиневе, Бухаресте и Таллине практически сразу после их занятия советскими войсками.

Фронтные выступления проходили во многих союзных республиках, и составы фронтных джазовых оркестров нередко формировались из местных коллективов. Таким образом, например, был сформирован кишиневский коллектив под руководством Ш.Б. Аранова, тоже выступавший на фронте. Но не только профессиональные коллективы играли на фронте джаз. Существовали

⁷ Утесов Л. Указ. соч. С. 129.

⁸ Там же.

⁹ См.: Барон фон дер Пшик (История одной песни) // Milhistory / Военная история. ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-7463178_895295 (дата обращения 19.06.2023).

также и самодеятельные джаз-оркестры. И.В. Нестьев утверждал в 1942 г.:

Широко распространяются в армии самодеятельные джаз-оркестры. Почти каждая часть, имеющая свой духовой оркестр, создает и собственный джаз... В работе джазов видна живая творческая мысль¹⁰.

В военное время джазовый репертуар пополнялся произведениями с патриотической тематикой. Нестьев утверждал, что в песнях, вышедших во фронтовой обстановке, преобладал «тот хорошо знакомый нам тип мажорных маршеобразных песен», который до войны активно развивал Дунаевский¹¹. Создавались и крупные оркестрово-джазовые произведения. Например, Богатырская и Славянская джаз-фантазии, созданные оркестром Утесова, или концерт для фортепиано с джаз-оркестром, написанный Цфасманом.

Выступавших на передовой музыкантов в прессе называли «пятерками» или «джаз-бригадами». Коллективы состояли из пяти человек: певец или певица, актер и музыканты, вооруженные и одетые в маскировочные халаты. Иногда выступления могли проходить в окопах. Пресса писала: «Может, всего пять-шесть соседей по окопу их слышали, но весть о приезде артистов разносилась по передовой, и это повсюду считалось хорошим предзнаменованием»¹².

Посещения музыкантами и – шире – деятелями культуры воевавших на фронте солдат широко отражались в СМИ. В сентябре 1941 г. о фронтовых выступлениях газета «Советское искусство» писала:

Неверно мнение, что во фронтовой обстановке имеют успех прежде всего частушки, легкая юмореска или залихватская плясовая... Бойцы с удовольствием слушают патриотические героические произведения, серьезную музыку, монолог из классической пьесы, лирические песни. Все виды эстрадных выступлений горячо воспринимаются фронтовой аудиторией¹³.

Музыкальный обозреватель, знаменитый к тому времени композитор Ваню Мурадели, вернувшись из поездки на фронт, отмечал большой интерес бойцов и командиров к культуре, искус-

¹⁰ *Нестьев И.В.* Красноармейская эстрада // Литература и искусство. 1942. 30 мая.

¹¹ *Нестьев И.В.* Боец слагает песню // Там же. 17 окт.

¹² *Бассехес А.* У реки // Там же. 4 июля.

¹³ Искусство – фронту // Советское искусство. 1941. 4 сент.

ству и, в частности, к музыке. О фронтовых джазовых коллективах он писал: «Большой любовью пользуются работающие для фронта исполнительские коллективы, ансамбли, джазы»¹⁴.

Военные советские СМИ внимательно следили не только за выступлениями музыкальных коллективов на фронтах. Освещали они и выступления музыкантов в тылу. Так, в 1943 г. в журнале «Ленинград» шла речь о концертах в блокадном Ленинграде: «Обстрелы... холод... остановившийся трамвай... трудный паек зимы 1941/42 года... и – концерты в зале Общества любителей камерной музыки! В коридорах темно. Публика в валенках, шубах...»¹⁵ Для ленинградцев также играли и джаз: «Сотни концертов для осажденных ленинградцев дал джаз-оркестр Клавдии Шульженко, также в блокадный Ленинград приезжали уже упомянутые оркестры Л. Утесова и оркестр КБФ» [Баташев 1972, с. 94]. Вопреки обстоятельствам ставились оперы, драмы, а также звучали симфонии, например, состоялась всемирно известная премьера Седьмой симфонии Д. Шостаковича.

Когда немецкие войска стояли уже под Москвой, в «Эрмитаже» шло представление «Поговорим о песне», состоявшее из выступлений лучших мастеров эстрады во главе с Н. Смирновым-Сокольским в сопровождении джаз-оркестра под руководством А.В. Варламова. У музыкантов не было носков, и они закрашивали ноги краской, чтобы выглядеть презентабельнее. Не хватало не только реквизита, но и еды. Многие артисты выглядели истощенными. Тем не менее в рецензии журнала «Литература и искусство» писалось:

Блестяще выступает А. Варламов со своим джазом. Очень одаренный музыкант... и актерски обаятелен. Он чрезвычайно ритмичен, держится удивительно свободно и, что называется, на зубок знает свое джазовое дело¹⁶.

С началом войны многократно увеличилась значимость радио как средства массовой информации. По словам В.А. Королевой, музыкальные передачи были реформированы в соответствии с задачами военного времени. В довоенное полугодие 1941 г. большее место в эфире занимали познавательно-развлекательные программы, а в первые месяцы войны – героическая музыка, патрио-

¹⁴ *Мурадели В.И.* Служить Советскому Союзу! // Литература и искусство. 1942. 1 мая.

¹⁵ *Алатырцев М.* Энтузиасты // Ленинград. 1943. № 1. С. 15.

¹⁶ *Рабинович Д.А.* Поговорим о песне // Литература и искусство. 1942. 18 июля.

тические песни и марши. В эфирах участвовали как музыканты, так и артисты, актеры, поэты и обычные жители. В декабре 1943 г. для выступления на Приморском радио был собран джаз-оркестр из симфонического ансамбля [Королева 2010].

Несмотря на тяжелые условия работы, не предполагавшие возможности частых репетиций для гастролировавших коллективов, которых было большинство, исполнительское мастерство джазовых музыкантов совершенствовалось. Это отмечали многие рецензенты и, в том числе, Ф. Спиридонов:

Едва ли не самой примечательной чертой исполнительного стиля джаза Л. Утесова является сочетание строжайшей ансамблевой дисциплины, высококоразвитого чувства коллективного исполнения с полнейшей свободой артистического выявления каждого музыкального оркестра¹⁷.

В советской прессе во время войны заметок о джазе появилось не меньше, чем до войны. Причем далеко не все из них были злободневными, описывали выступления артистов на фронте. Например, статья советского дипломата, бывшего посла в США, А.А. Трояновского о джазе, опубликованная в газете «Советское искусство», была познавательной:

Джазовая музыка оказывает бесспорное влияние на всю современную музыкальную культуру... Можно дискутировать по поводу того, что собой представляет джаз, можно оспаривать те или иные его достоинства, но нельзя отрицать его влияния и интерес к нему во всем мире. Джаз и сейчас продолжает развиваться. Его детище – отпочковавшийся от него новый жанр, так называемый суинг... – искусство, в котором исключительная виртуозность сочетается со свободной импровизацией как для отдельных исполнителей, так и для всего ансамбля¹⁸.

В той же статье описывалось такое явление, как джазовый джем: «Вечера суинга, где музыканты в тесном кругу поклонников нового жанра творят как бы для себя, как бы для собственного удовольствия, проходят с огромным успехом». В статье заметен явный прогресс в восприятии джазовой музыки в советской прессе. Автор разделяет импровизацию на сольную и оркестровую, а также признает за джазом не только новую музыкальную форму, но и

¹⁷ Спиридонов Ф. Леонид Утесов // Литература и искусство. 1942. 17 окт.

¹⁸ Трояновский А.А. Музыка в Соединенных Штатах // Советское искусство. 1941. 18 сент.

рассматривает его как один из ключевых и влиятельных элементов культуры повседневности¹⁹.

На протяжении войны в прессе регулярно публиковались рецензии на новые джазовые произведения советских композиторов, а также обзоры концертов джаз-оркестров. Например, в статье композитора Д.Б. Кабалевского в газете «Советское искусство» рассматривался концерт для фортепиано с джазовым оркестром под названием «Концерт для фортепиано с джазом»²⁰. Стоит отметить, что под словом «джаз» в данном случае имелся в виду набор музыкальных инструментов, а не музыкальный феномен.

В конце войны газета «Литература и искусство», анализируя выступления различных джаз-оркестров, писала:

Следовало бы всерьез заняться внимательным изучением сложного и интересного пути творческого развития советского джаза. Ведь не случайно, что критики, раз навсегда определившие свое отношение к джазу лет десять назад и не пытающиеся переосмыслить свои взгляды, оказываются сейчас несостоятельными. Они не могут, например, дать объяснения, основанного на серьезных доводах, тому успеху, который имеют наши передовые джаз-ансамбли, выступающие с боевым патриотическим репертуаром в тылу и на фронте²¹.

* * *

Публикации военных лет, посвященные джазовой музыке, можно условно разделить на две категории. К первой относятся те, что были опубликованы в специальных СМИ: газетах «Литература и искусство», «Советское искусство» и некоторых других изданиях. Для этих публикаций характерен профессионализм в оценке джаза в целом и отдельных представителей джазовой музыки. Вторая категория – статьи, опубликованные в общественно-политических и специальных изданиях, не связанных с музыкой. Джаз интересовал авторов таких публикаций прежде всего в контексте военной современности, внимание акцентировалось на восприятии, а не сущности джаза.

Тем не менее обе группы публикаций сошлись в том, что во время войны джазовая музыка выполнила возлагаемые на нее изначально функции. Утесов утверждал в мемуарах:

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Кабалевский Д.Б.* Концерт для фортепиано с джазом // Советское искусство. 1941. 9 окт.

²¹ *Ананьев Б.* Смотр советской эстрады // Литература и искусство. 1944. 19 авг.

Формула «когда гремят пушки – музы умолкают» Великой Отечественной войной подтверждена не была. Пушки гремели, но песни продолжали звучать. Более того, песенный жанр продолжал развиваться. Не скажу, чтобы песни заглушали пушки, но, что они помогали людям легче переносить их гром, – это несомненно²².

В военное время джаз действительно стал народной музыкой. И не просто стал, а заслужил это звание совместными усилиями композиторов, артистов и музыкантов. В прессе джазовую музыку поддерживали, а музыкальные события освещали с особым вниманием.

Литература

Баташев 1972 – *Баташев А.Н.* Советский джаз: исторический очерк. М.: Музыка, 1972. 175 с.

Королева 2010 – *Королева В.А.* Музыканты Приморья в 1941–1945 гг. (к 65-летию Великой Победы и 85-летию Приморского радиовещания) // Россия и АТР. 2010. № 4. С. 27–37.

References

Batashev, A.N. (1972), *Sovetskii dzhaz: istoricheskii ocherk* [Soviet jazz. Historical essay], Music, Moscow, USSR.

Koroleva, V.A. (2010), “Musicians of Primorye in 1941–1945 (to the 65th anniversary of the Great Victory and the 85th anniversary of the Primorsky Radio Broadcasting)”, *Russia and the pacific*, no. 4, pp. 27–37.

Информация об авторе

Андрей И. Коваль, студент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; terfetum@mail.ru

Information about the author

Andrei I. Koval, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, 125047; terfetum@mail.ru

²² *Умцов Л.* Указ. соч. С. 163.

История публицистики. Риторика

УДК 82.0:32

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-63-77

Публицистика и контрпублицистика: о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев»

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. В статье анализируются политические факторы, обусловившие текстологическую специфику романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев». Рассмотрена полемика группировки партийной элиты во главе с И.В. Сталиным и так называемой левой оппозиции, которую возглавлял Л.Д. Троцкий. Характеризуются наиболее масштабные цензурные изъятия в изданиях романа 1928–1961 гг. Установлено, что публицистическая компонента, актуальная к началу подготовки журнальной публикации, минимизировалась редакторами и в послесталинскую эпоху.

Ключевые слова: «Двенадцать стульев», Сталин, Троцкий, Бухарин, Томский, оппозиция, Шанхай, Чан Кайши

Для цитирования: Фельдман Д.М. Публицистика и контрпублицистика: о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 63–77. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-63-77

Publicity and counter-publicity. On the textology of the novel by I.A. Ilf and E.P. Petrov “Dvenadtsat stuliev” (The Twelve Chairs)

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article analyzes the political factors that conditioned textological specificity of the novel “Dvenadtsat stuliev” by Ilya Ilf and Evgeny

© Фельдман Д.М., 2023

Petrov. It considers the polemics of the grouping of the party elite led by Stalin and the so-called leftist opposition, led by Lev Trotsky. The most large-scale censorship seizures in the novel editions of 1928–1961 are characterized. It is established that the journalistic component, relevant to the beginning of the preparation of the journal publication, was minimized by the editors in the post-Stalin era.

Keywords: “Dvenadtsat stuliev” (The Twelve Chairs), Stalin, Trotsky, Bukharin, Tomsky, opposition, Shanghai, Chiang Kai-shek

For citation: Feldman, D.M. (2023), “Publicity and counter-publicity. On the textology of the novel by I.A. Ilf and E.P. Petrov ‘Dvenadtsat stuliev’ (The Twelve Chairs)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 10, pp. 63–77, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-63-77

Вместо пролога

С января 1928 г. в столичном ежемесячнике «30 дней» началась публикация романа «Двенадцать стульев». Завершилась она в июле.

На прилавках книжных магазинов первое отдельное издание романа появилось в том же июле. Опубликовало книгу издательство «Земля и фабрика». Официальное сокращенное именование – «ЗиФ»¹.

Буквально за несколько дней распродан немалый тираж. Однако рецензий было крайне мало. Московские и ленинградские «толстые» журналы: «Красная новь», «Новый мир», «Октябрь», «Звезда» – словно не замечали и вызвавшую колоссальный читательский интерес журнальную публикацию романа, и самую популярную книгу сезона (подробнее см. [Одесский, Фельдман 2000]).

В 1929 г. опубликовано второе издание романа. Опять зифовское².

Тогда комплиментарные рецензии пошли, можно сказать, шквалом. При этом ни один рецензент не упомянул и журнальную публикацию, и первое книжное издание. Обсуждали только второе [Одесский, Фельдман 2017b].

Странность объяснима, если учитывать специфику политического контекста. Он менялся, пока готовилась журнальная публикация романа.

Подготовка ее началась в разгар полемики генерального секретаря ЦК партии И.В. Сталина с его главным конкурентом –

¹ Ильф И., Петров Евг. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928.

² Ильф И., Петров Евг. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1929.

Л.Д. Троцким. Бывший народный комиссар по военным и морским делам сам характеризовал себя и своих довольно многочисленных сторонников как «левую оппозицию».

Термин «левые» использовался в традиционном значении: истинные революционеры, противостоящие бюрократившимся администраторам, «правым», не желающим перемен. Но прессу уже полностью контролировал генсек, и его союзником стал Н.И. Бухарин, считавшийся идеологом так называемой новой экономической политики. В общественном сознании всеми силами пропаганды утверждалось: ЦК партии – гарант мира и стабильности, оппозиционерам же не по нраву мирная работа, потому они и рассуждают о разложении партийной элиты, предавшей идею «мировой революции».

К 1927 г. очевидна была победа сталинской группировки. Однако из-за провала советской политики в Китае авторитет генсека оказался под угрозой.

В Китае шла гражданская война. Правительство опиралось на так называемую национально-демократическую партию – Гоминьдан. Она блокировалась с местными коммунистами, а те выполняли указания советского руководства, снабжавшего их оружием, деньгами, присылавшего опытных военных советников. Гоминьдановские войска под командованием генерала Чан Кайши, тесня сепаратистов англо-американской и японской ориентации, приближались к Шанхаю, где были иностранные кварталы, объединенные в Международный сеттлмент. Там – резидентурные центры, ликвидация которых могла бы способствовать восстаниям по всей стране.

В марте 1927 г. гоминьдановцы заняли Шанхай, где коммунисты уже руководили восстанием. К 14 апреля оно было подавлено по приказу Чан Кайши. На следующий день началась советская пропагандистская кампания, в ходе которой генералу инкриминировалось вероломство. Тон задавала статья в «Правде»: «Шанхайский переворот».

Лидеры оппозиции воспользовались провалом сталинской политики. Даже обратились к ЦК партии официально, предупреждая о неминуемой, по их словам, угрозе – консолидации внешних врагов: «Поражение китайской революции может чрезвычайно приблизить войну против СССР»³.

Опасность, настаивали оппозиционеры, усугублялась еще и тем, что нэп множит внутренних врагов. Значит, при интервенции неизбежны восстания.

³ См.: Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР: 1923–1927. М.: Терра, 1990. Т. 3. С. 61.

Аргументы «левой оппозиции» было бы легко опровергнуть. Ссылаясь, во-первых, на то, что «мировая революция» вообще маловероятна и «шанхайский переворот» означает лишь потерю средств, потраченных на «большевизацию» Китая. Во-вторых, доказывая, что политический маневр Чан Кайши не может обусловить вторжение европейских армий, поддержанное внутренними врагами советского режима. Однако такие доводы подразумевали бы отказ правительства от собственной политической аксиоматики. Необходимость партийной диктатуры пропагандистски обосновывалась наличием постоянной внешнеполитической угрозы и происками внутренних врагов [Одесский, Фельдман 2012].

Пришлось обходиться экивоками. Сталинские пропагандисты утверждали, во-первых, что «мировая революция» остается актуальной задачей, только решить ее удастся не вскоре, но и раньше победа была не близка. Во-вторых, доказывали: как раз сейчас международное положение СССР вполне стабильно, Красная армия сильна, потому внешние враги не решатся напасть, а внутренних немного и они давно обессилены.

Главное же постулировалось: аргументация оппозиционеров нелепа, она достойна только осмеяния. Такой установке вполне соответствовал замысел романа «Двенадцать стульев».

Начинается романное действие 15 апреля 1927 г., когда газеты сообщили о «шанхайском перевороте», а «левая оппозиция» активизировала полемику с официальным партийным руководством. Как раз тогда бывшему помещику Ипполиту Воробьянинову умирающая теща сообщила, что после установления советского режима, когда им пришлось спешно покинуть родной город, она зашила фамильные бриллианты под сиденье одного из двенадцати стульев гарнитура, который остался в родовом особняке.

Тайну эту перед смертью теща Воробьянинова сообщила на исповеди священнику Федору Вострикову. Он стал конкурентом бывшего помещика, а к тому вскоре присоединился профессиональный мошенник Остап Бендер. Кладоискатели заведомо чужды советской действительности. Цель каждого – жить богато, праздно, как это было возможно в досоветскую эпоху.

Немало внимания в романе уделено теме заговора противников советского режима. Это дворяне, купцы, так называемые бывшие. Предавшись мечтам о возвращении прошлого, они вскоре осознают бесплодность замысла и наперегонки бросаются к следователям – каяться, вымаливать прощение.

Финал романа демонстрирует поражение кладоискателей. Не ими обнаруженные сокровища пошли на строительство клуба железнодорожников. Завершается роман осенью 1927 г.

Читатели-современники помнили: в ноябре 1927 г. Троцкий исключен из партии. На состоявшемся в декабре XV партийном съезде было принято решение продолжать нэп, большинство оппозиционеров уже отреклось от прежних лозунгов, и это трактовалось как отказ от плана вернуть прошлое.

Ильф и Петров приняли участие в политической интриге. Скорее всего, руководствовались теми же соображениями, что и ряд других писателей. Многие тогда верили: с отстранением Троцкого от власти нэп утвердится, уровень жизни будет по-прежнему расти [Одесский, Фельдман 2017а].

Судя по рукописям Ильфа и Петрова, роман, заверченный в январе 1928 г., изобиловал не только политическими аллюзиями. Явной для читателей-современников была литературная полемика, и все это складывалось в единую систему, каждый элемент ее композиционно обусловлен⁴. Но политический контекст изменился. Согласно новым пропагандистским установкам, нэп уже мешал социалистическим преобразованиям, и врагами оказались сторонники прежнего курса, недавние союзники генсека. Их Сталин назвал «правой оппозицией». Лидером ее был объявлен Бухарин. Тема «шанхайского переворота» деактуализировалась.

Роман был все-таки издан, потому что главная идеологическая установка, реализованная Ильфом и Петровым, оставалась актуальной: советский режим стабилен, и смешны чьи-либо надежды вернуть прошлое. Вот только критики оказались в сложном положении: рискованно бранить книгу – в «левые» попадешь, и хвалить опасно: «правым» сочтут. Потому и рецензий было мало.

В 1929 г. роман был вновь переиздан, хоть и опять с редакторской правкой. Новую установку для критиков эмблематизировала опубликованная «Литературной газетой» 17 июня статья А.К. Тарасенкова «Книга, о которой не пишут».

Подразумевалось, что прежних рецензий словно и не было, упоминать их не следует. Именно поэтому критики и обсуждали только второе зифовское издание. В каждой публикации романа были новые сокращения цензурного характера. Своего рода контрпублицистика. Еще и редакторы вносили стилистические изменения по собственному вкусу. Масштабная правка внесена при подготовке четырехтомного собрания сочинений Ильфа и Петрова. Роман «Двенадцать стульев» – в первом томе. Он издан в 1938 г.⁵

⁴ Далее цит. по: РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 31–33.

⁵ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 4 т. М.: Советский писатель, 1938. Т. 1.

Ильф умер от туберкулеза в 1937 г. Петров через пять лет погиб в авиакатастрофе. Соответственно, публикация романа в 1938 г. считается последней прижизненной. Эта версия, по советской эдиционной традиции, признана отражающей последнюю волю авторов.

Но роман правили и когда уже не было обоих соавторов. Итоговая правка – для второго собрания сочинений Ильфа и Петрова. Оно издано в 1961 г.⁶

Исходный объем романа сократился почти на треть, а некоторые шутки соавторов утратили смысл. В данной статье рассматриваются лишь самые крупные цензурные изъятия и курьезные результаты вкусовой редакторской правки – от рукописи до издания 1961 г.

Без экскурса в прошлое

Готовя журнальную публикацию романа, авторы разделили главу о досоветской биографии Воробьянинова на две: «Бойкий мальчик» и «Продолжение предыдущей». Обе удалил редактор. В результате бывший помещик выглядел лишь карикатурно, что соответствовало актуальной тогда идеологической установке: только сатира, никакого сочувствия.

Так и осталась вне романного повествования история Елены Боур, жены прокурора, которой восхищались все его подчиненные, а секретарь суда даже стихи ей посвятил. В нее и влюбился Воробьянинов, увел от мужа, добивался развода, правда, безуспешно.

История продолжена в главе «Слесарь, попугай и гадалка». В рукописи о давней любовнице Воробьянинова сказано: «Она шла по двору, и если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то никогда не узнал бы Елену Боур, красавицу-прокуроршу, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она “к поцелуям зовущая, вся такая воздушная”». Но журнальным читателям не было известно даже о знакомстве Воробьянинова с Боур. Аналогично – про ее мужа и опус «секретаря суда».

Пришлось редактору опять внести правку. Новый вариант: «Она была старухой, и если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то никогда бы не узнал Елену Боур, красавицу-прокуроршу, многолюбимую им Елену, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она “К поцелуям зовущая, вся такая воздушная”»⁷.

⁶ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 2. С. 27–382.

⁷ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 2. С. 40.

Ясности не прибавилось. Читателям оставалось лишь гадать, почему Боур для Воробьянинова – «многолюбимая», да еще и «прокурорша», воспетая «секретарем суда».

Редактор первого книжного издания попытался устранить ошибки предшественника. Две удаленные главы не вернул, но переписал цитированный выше фрагмент. Итоговый вариант: «Если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то он никогда не узнал бы Елены Боур, старой своей возлюбленной, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она “к поцелуям зовущая, вся такая воздушная”»⁸.

После такой правки читатели могли хотя бы отчасти уяснить, что за отношения когда-то связывали Воробьянинова и Боур. Только нельзя было даже угадать, при чем тут «секретарь суда».

Не менее курьезный пример – глава «Бойкий мальчик». Начинается она с описания скандала, который зимой 1913 г. учинил Воробьянинов, уездный предводитель дворянства в ту пору. Он скандалил в кафешантане. Последствия – штраф и «статька в местной либеральной газете “Общественная мысль” под осторожным заглавием “Приключения предводителя”».

За это поплатился фельетонист, использовавший псевдонимом «Принц Датский». Он вскоре уже «сидел в приемной градоначальника и, смущаясь, думал о том, как он, заикающийся настолько, что его не смогли излечить даже курсы профессора Файнштейна, будет объясняться с градоначальником...»

Многие одесситы еще помнили в 1928 г. досоветскую газетную рекламу курсов С.Д. Файнштейна. Тот был известен как психолог и педагог, но, согласно романному повествованию, не сумел помочь журналисту.

Принято считать, что у «Принца Датского» был прототип. Таковым мемуаристами и вслед за ними некоторыми литературоведами объявлен популярнейший с 1900-х гг. одесский журналист Б.Д. Флит.

Согласно ряду мемуарных свидетельств, Флит заикался. Правда, он не использовал псевдоним «Принц Датский» и журналистом, в отличие от вымышленного коллеги, был талантливым, всероссийски известным [Киянская, Яворская 2018].

Флит с 1920 г. стал одесским корреспондентом «Огонька», затем и переехал в Москву. Работал в журнале «Крокодил». Печатался также в других периодических изданиях, стал популярным как прозаик и драматург.

⁸ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 86.

Когда редакцию журнала «Крокодил» переформировывали в 1933 г., Флит ушел, не дожидаясь увольнения. Работал в отраслевой периодике.

Арестован Флит в 1935 г. Инкриминирована так называемая контрреволюционная пропаганда. Осужден, приговор – трехлетняя ссылка. Жил в Оренбурге, был рабочим на одном из городских предприятий. Вторично арестован в 1937 г., тогда же осужден и расстрелян. Официально признан невиновным двадцать лет спустя.

Деятельность его вымышленного коллеги, относящуюся уже к советскому периоду, авторы характеризовали в главе «Дышите глубже, вы взволнованы!». Пока вернувшийся в родной город Воробьянинов разыскивал вместе с Бендером следы пропавшего гарнитура, начался митинг по случаю пуска трамвайной линии, а на торжестве надлежало присутствовать журналистам. Согласно рукописи, «Принц Датский обменивался спотыкающимися фразами с собратом по перу». Эта глава почти что полностью удалена журнальным редактором. Соответственно, ему не понадобилось объяснять, кто такой «Принц Датский» и почему его фразы были «спотыкающимися». Но в первом книжном издании авторам удалось отстоять эту главу. Редактору пришлось вносить правку. Итоговый вариант: «Принц Датский, заикаясь, обменивался фразами с собратом по перу»⁹.

Правка не помогла. Осталось неясным, почему журналист вдруг стал заикаться, ведь раньше – в той же главе – не было упомянуто заикание.

В следующее книжное издание авторам опять не удалось включить удаленные главы о Воробьянинове. Но под общим заглавием – «Прошлое регистратора загса» – они напечатаны в октябрьском номере журнала «30 дней» за 1929 г. Разумеется, после редакторской правки¹⁰.

Журнальная публикация снабжена предисловием. Там, кроме прочего, указано, что печатается не издававшаяся глава романа «Двенадцать стульев»¹¹.

Ни в одно из советских изданий романа так называемая глава не вошла. Однако вторично была опубликована в двадцать четвертом номере журнала «Крокодил» за 1957 г.¹²

⁹ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 128.

¹⁰ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1929. № 10. С. 62–71.

¹¹ См.: [От редакции] // 30 дней. 1929. № 10. С. 62.

¹² См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Прошлое регистратора загса // Крокодил. 1957. № 24. С. 7–10.

Редакция не объяснила, где обнаружена «глава» и почему она не включена в издания романа. Источником же была публикация 1929 г., и в этот текст редактор журнала «Крокодил» внес свою вкусовую правку.

В собрание сочинений 1961 г. включена так называемая глава «Прошрое регистратора загса». Она – в первом томе, где и сам роман «Двенадцать стульев»¹³. Но помещена она в разделе «Приложение». Там указано: «Печатается по тексту журнала “30 дней”»¹⁴.

На самом деле источник – публикация в журнале «Крокодил». В этот текст редактор собрания сочинений добавил свою вкусовую правку.

Своевременно и не ко времени

Одна из весьма значительных компонент романа, законченного в январе 1928 г., – пародии на известных писателей и режиссеров. Но стараниями редакторов количество пародийных эпизодов минимизировалось.

Характерный пример – глава «Могучая кучка или золотоискатели». Двухчастное название было, во-первых, аллюзией на историю хрестоматийно известного содружества русских композиторов, авторов классических опер. Во-вторых, обозначало специфику целеполагания тех, о ком шло повествование.

Цель их, разумеется, нажива. Однако соседям по коммунальной квартире – двум бездарным литераторам и столь же одаренному композитору – нажиться пока не удавалось. Не было у них золотосных идей. Пришлось ориентироваться на слухи: появились в Москве некие преступники, крадущие или буквально раздирающие стулья.

Вот тогда три соседа и решают написать оперу, соответствующую, по их мнению, актуальным пропагандистским установкам. Чаемая перспектива – большие гонорары. Сюжет намечен: «Советский изобретатель изобрел луч смерти и запрятал чертежи в стул. И умер. Жена ничего не знала и распродала стулья. А фашисты узнали и стали разыскивать стулья. А комсомолец узнал про стулья и началась борьба».

Идея «луча смерти» новой, разумеется, не была. Едва ли не первым использовал ее Г. Уэллс, опубликовавший в 1897 г. роман

¹³ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 2. С. 531–548.

¹⁴ См.: [От редакции] // Там же. С. 562.

«Война миров». Вскоре тот был издан в Российской империи, перевод З.Н. Журавской¹⁵. Но с пародией Ильфа и Петрова не уэллсовский роман соотносился. Объекты пародирования были очевидны современникам.

В 1925–1927 гг. журнал «Красная новь» печатал роман А.Н. Толстого «Гиперboloид инженера Гарина», затем вышло и отдельное издание. Проблематика – фантастические события планетарного масштаба, обусловленные изобретением смертоносного луча¹⁶.

Аналогична и проблематика вышедшего на экраны в 1925 г. фильма Л.В. Кулешова по сценарию В.И. Пудовкина – «Луч смерти». Такое название дают своей опере и «золотоискатели». Они следуют кинообразцу, потому в их опусе русскому ученому препятствуют фашисты.

Понятия «фашизм» и «фашистский» стали обиходными в советской периодике с 1919 г. Тогда это были характеристики военизированной организации, созданной под руководством Б. Муссолини: «Итальянский боевой союз» – *Fasci italiani di combattimento*.

Название движению и дало слово *fasci* в значении «союз», «связка». Местные отделения получили название «фаши». В 1921 г. было изменено название организации, фактически захватывавшей государственную власть. Этот вариант обозначал иной статус: «Национальная фашистская партия» – *Partito Nazionale Fascista*.

Обновленное название символизировало общепитальянское единство. Прежде всего – готовность защищать интересы государства любыми доступными средствами. В отечественной же периодике тема обличения сторонников Муссолини стала дежурной из-за гонений фашистской администрации на социалистов и коммунистов. К 1927 г. Италия считалась одним из потенциальных противников СССР. Но опера азартных «золотоискателей» – пародия многоаспектная. Главным объектом иронического переосмысления стал роман А. Белого «Москва». Это манифестировалось жанровой спецификой книги, выдержавший к осени 1927 г. два издания. Сюжет вполне соответствовал детективным канонам: смертоносный луч создан рассеянным профессором, он прячет техническую документацию между страницами книг, их распродает беспечный профессорский сын, а покупает, разумеется, эмиссар иностранной разведки, и за изобретение русского ученого идет борьба сил добра и зла.

¹⁵ См.: Уэллс Г. Война миров. СПб.: Тип. И.В. Скороходова, 1898. 88 с.

¹⁶ См.: Толстой А.Н. Гиперboloид инженера Гарина // Толстой А.Н. Собр. соч.: В 15 т. М.; Л.: ГИЗ, 1927. Т. 10. 239 с.

В политизированной опере «золотоискателей» враги советского ученого еще и масоны. Один из них даже «гроссмейстер фашистского ордена». Такое сочетание заведомо абсурдно: как раз Муссолини заслужил репутацию ярого гонителя масонов. Нелепа и характеристика другого персонажа оперы – «фашистский принц». Зато прагматика и в данном случае была очевидна современникам. Как враги СССР объединены фашисты, аристократы и масоны.

Разумеется, они шпионы. Это очередное указание на главный объект пародии. В романе «Москва» иностранный резидент – главный враг русского ученого – масон, встречавшийся с Муссолини «в масонских кругах».

Ильф и Петров не раз подчеркнули, что создатели политизированной оперы выбирают тему шпионажа по соображениям конъюнктуры. Но «золотоискатели» и тут ошибаются: в контексте полемики с «левой оппозицией» рассуждения о военной угрозе стали нежелательными именно с точки зрения официальной пропаганды. Таким образом, сюжет романа «Москва» интерпретирован как неуклюжая попытка Белого следовать пропагандистским установкам, которые устарели к маю 1927 г.

К 1928 г. завершён разгром «левой оппозиции», но ещё разрешалось высмеивать рассуждения оппозиционеров о внешних и внутренних противниках советского режима. Соответственно, глава «Могучая кучка или золотоискатели» есть в журнальной публикации¹⁷.

Почти одновременно готовилось первое книжное издание. В него тоже включена глава о бездарных конформистах¹⁸. Нет её в следующем издании. Уже весной 1928 г. стало весьма интенсивным советско-итальянское военно-техническое сотрудничество, и цензоры получили новые директивы.

Позже и некоторые другие шутки авторов романа, считавшиеся ранее вполне уместными и своевременными, оказались не ко времени. Характерный пример – глава «Муза дальних странствий».

Согласно рукописи, там впервые упомянуты события в Шанхае 14 апреля 1927 г.: два жителя уездного города обсуждают газетные новости, речь идет о перспективах Международного селтлмента и дальнейшего наступления гоминьдановцев. Обсуждение внеэмоционально, потому что к советской повседневности тема не имеет отношения.

¹⁷ См.: *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 4. С. 55–58.

¹⁸ См.: *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 292.

Глава «Муза дальних странствий» впервые опубликована в январском номере журнала «30 дней» за 1928 г. Фразы, относящиеся к обсуждению «шанхайского переворота» и гоминьдановского наступления, туда включены¹⁹. Не изменилась цензурная установка и когда шла редакционная подготовка первого книжного издания. Там остались фразы о китайских событиях²⁰.

В пяти следующих изданиях – до 1934 г. включительно – они тоже остались. Тема еще не стала запретной²¹. Однако в издании 1935 г. диалог сократился: удален фрагмент, относящийся к «шанхайскому перевороту». Осталась лишь оценка перспектив гоминьдановского наступления²².

В следующих изданиях нет и фразы о наступлении гоминьдановцев весной 1927 г. Неуместным стало даже обозначение темы «шанхайского переворота», т. е. провала советской политики в Китае.

Намеки же на аргументы «левой оппозиции» стали неуместными еще в ноябре 1927 г. Характерный пример – глава «Слесарь, попугай и гадалка».

Там, согласно рукописи, Боур, нелегально зарабатывающая гаданием, предсказывает будущее одной из клиенток. Гадает и по руке: «Линия жизни простиралась так далеко, что конец ее заехал в пульс, и, если линия говорила правду, – вдова должна была бы дожить до мировой революции».

Начало «мировой революции» авторы романа соотнесли с неопределенно далеким будущим. Правда – в пределах обычной продолжительности человеческой жизни.

Глава «Слесарь, попугай и гадалка» впервые опубликована в февральском номере журнала «30 дней». Но в сцену гадания редактор внес правку. Новый вариант: «Линия жизни простиралась так далеко, что конец ее заехал в пульс, и, если линия говорила правду, – вдова должна была бы дожить до учредительного собрания»²³.

¹⁹ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 1. С. 43.

²⁰ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 40.

²¹ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: Советская литература, 1934. С. 35.

²² См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1935. С. 26.

²³ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 2. С. 38.

Правка обесмыслила шутку авторов романа. Читателям оставалось лишь гадать, о чем идет речь, если всероссийское Учредительное собрание распущено советским правительством в 1918 г.

Редактор первого книжного издания попытался исправить оплошность предшественника. Заменял слова «до учредительного собрания» на «до страшного суда»²⁴.

Яснее не стало. Страшный суд, если верить новому варианту, начнется еще при жизни боуровской клиентки, однако такой срок не обоснован ничем.

Шутка так и осталась обесмысленной. Итогом редактуры в дальнейшем была лишь орфографическая правка. Замена «страшного» на «Страшного»²⁵.

В ходе редактуры удалялись из романа и упоминания о реалиях, не соответствовавших актуальным цензурным установкам. Примечательна с этой точки зрения глава «В театре Колумба», где описаны московские приключения Воробьянинова и Бендера.

Одна из характерных деталей столичного быта весной 1927 г. – описание различных состязаний: легкоатлетических, футбольных и т. д. Потому в рукописи упомянуты велосипедисты, которые «бесшумно летели со стадиона Томского...».

Он был тогда самым большим в Москве. Его официальное название с 1926 г. – «Стадион союза пищевиков имени Томского».

Название выбрано закономерно – по меркам того времени. М.П. Томский был в составе Политбюро ЦК партии, возглавлял Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

Председатель ВЦСПС встал на сторону генсека и Бухарина в полемике с «левой оппозицией». Соответственно, в журнальной публикации «стадион Томского» упомянут²⁶. Не изменился статус функционера и когда готовилось первое книжное издание романа. Там «стадион Томского» упомянут²⁷.

В 1930 г. Томский как союзник Бухарина из Политбюро выведен и понижен в должности. Но и тогда не был переименован названный в его честь стадион. Переименован он в 1934 г. Новое официальное название – «стадион Юных пионеров».

²⁴ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 88.

²⁵ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 2. С. 95.

²⁶ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 4. С. 59.

²⁷ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 304.

Сменой названия тогда подразумевалось, что упоминания в печати о проштрафившемся функционере уже нежелательны. Однако в 1935 г. роман «Двенадцать стульев» опять переиздан, и там по-прежнему упомянут «стадион Томского»²⁸.

Цензурско-редакторская оплошность обусловлена техническими факторами. Для книжных переизданий тогда использовалась так называемая расклейка: страницы последней из предшествовавших книг, уже апробированной цензурой, расклеивались на чистые листы для редакторского контроля, расклеено было издание 1934 г., где еще упоминался «стадион Томского», и это осталось незамеченным.

Оплошность была не так уж серьезна – по меркам 1935 г. Томского из партии не исключали, он занимал сравнительно высокую должность.

23 августа 1936 г. «Правда» опубликовала сообщение ЦК партии о самоубийстве Томского. Согласно официальной версии, он принял такое решение, потому что не прекратил связи с оппозицией, переродившейся в террористическую организацию.

В издании 1938 г. упоминания о Томском нет. Сообщается там, что велосипедисты «бесшумно неслись со стадиона “Юных пионеров”...»²⁹. Не было такого названия, когда Ильф и Петров закончили роман «Двенадцать стульев». Редактор о том не мог не знать, он следовал цензурной установке. Вымышленные обвинения с Томского сняты в конце 1950-х гг. Но и позже в советских изданиях романа фигурирует «стадион “Юных пионеров”».

Случай отнюдь не исключительный. Подводя итоги, можно отметить, что при каждом советском переиздании романа «Двенадцать стульев» редакторы оставляли прежнюю цензурную правку, даже если она противоречила здравому смыслу.

Литература

Киянская, Яворская 2018 – *Киянская О.И., Яворская Е.Л.* Одесский журнал «Бомба»: из материалов уголовного дела Бориса Флита // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 1. С. 23–30.

Одесский, Фельдман 2000 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Легенда о великом комбинаторе: В 3 ч., с прологом и эпилогом // Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. М.: Вагриус, 2000. С. 25–46.

²⁸ См.: *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1935. С. 183.

²⁹ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 4 т. М.: Советский писатель, 1938. Т. 1. С. 353.

- Одесский, Фельдман 2012 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика власти: Тираноборчество. Террор. Революция. М.: РОССПЭН, 2012. 262 с.
- Одесский, Фельдман 2017а – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* История легенды: Роман «Двенадцать стульев» в литературно-политическом контексте эпохи // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: АСТ, 2017. С. 413–618.
- Одесский, Фельдман 2017б – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Роман «Золотой теленок» в литературно-политическом контексте эпохи // Ильф И.А. Петров Е.П. Золотой теленок. М.: АСТ, 2017. С. 409–556.

References

- Kiyanskaya, O.I. and Yavorskaya, E.L. (2018), “Odessa magazine ‘Bomba’ (Bomb). From the materials of the criminal case of Boris Fleet”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 1, pp. 23–30.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2000), “The legend of the Great Combinator (in three parts, with prologue and epilogue”, in Ilf, I.A. and Petrov, E.P. *Zolotoi Telenok* [The Little Golden Calf], Vagrius, Moscow, Russia, pp. 25–46.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2012), *Poetika vlasti: Tiranoborchestvo. Terror. Revolyutsiya* [Poetics of power. Tyrannoclasm. Terror. Revolution], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2017), “The history of the legend. The novel ‘Dvenadsat stuliev’ in the literary and political context of the Epoch”, in Ilf, I.A. and Petrov, E.P. *Dvenadsat stuliev* [The Twelve Chairs], AST, Moscow, Russia, pp. 413–618.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2017), “The novel ‘Zolotoi Telenok’ in the literary and political context of the epoch”, in Ilf, I.A. and Petrov, E.P. *Zolotoi Telenok* [The Little Golden Calf], AST, Moscow, Russia, pp. 409–556.

Информация об авторе

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the author

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dmfeld@inbox.ru

УДК 82.09:070

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-78-99

Публицистическая и металитературная составляющая пьесы В.С. Гроссмана «Если верить пифагорейцам»

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
Москва, Россия, bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется публицистическая компонента пьесы В.С. Гроссмана «Если верить пифагорейцам», вызвавшей полемику в советской центральной прессе в 1946 г. Исследователь изучает историко-софскую концепцию произведения и приходит к выводу о том, что мнение об этом произведении как об антисоветском, пропагандирующем историю цикличности истории является беспочвенным. Предисловие же к этому произведению дает основание рассматривать его как металитературный текст.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, публицистика, советская литература, советская пресса, критика, «Если верить пифагорейцам»

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Публицистическая и металитературная составляющая пьесы В.С. Гроссмана «Если верить пифагорейцам» // Вестник РГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 78–99. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-78-99

The publicist and metaliterature aspects of V. Grossman's play "If you believe the Pythagoreans"

Yurii G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Presidential Academy, Moscow, Russia, bityunan@gmail.com*

Abstract. V.S. The article analyzes the publicist component of V. Grossman's play "If You Believe the Pythagoreans" that raised a polemic in the central Soviet press in 1946. The researcher studies the historical and philosophic

© Бит-Юнан Ю.Г., 2023

concept of the play and comes to a conclusion that the opinion of the work as being anti-Soviet, advocating the cyclical nature of history is groundless. Yet, the foreword gives some clue to the text as being a metaliterature one.

Keywords: V. Grossman, political writing, Soviet literature, Soviet press, criticism, “If You believe the Pythagoreans”

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2023), “The publicist and metaliterature aspects of V. Grossman’s play ‘If you believe the Pythagoreans’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 10, pp. 78–99, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-78-99

В.С. Гроссман (1905–1964) – писатель, чья биография в мемуарной и научной литературе ассоциирована с судьбой его произведений. Гроссман был успешным литератором в 1930-х гг., когда его сочинения печатались одно за другим, затем стал успешным фронтовым журналистом. До и после войны он все чаще замечал расхождения между декларируемой и реальной советской политикой, поэтому начал постепенно выходить из советской парадигмы. Так, несколько лет он не мог добиться публикации романа «За правое дело», а когда книга вышла, ее раскритиковали. Главные же произведения Гроссмана: роман «Жизнь и судьба» и повесть «Все течет...» – не были напечатаны при его жизни. Роман рассматривался в декабре 1960 г. в редакции «Знамени» и был признан клеветническим и антисоветским. «Все течет...» Гроссман даже не пытался издать – повесть была заведомо непроходима. Вскоре он умер, и уже через несколько лет о нем почти не вспоминали.

Забвение тем не менее было недолгим. В 1988 г. в СССР была напечатана «Жизнь и судьба». Через год – повесть «Все течет...». Гроссман сразу стал одним из наиболее обсуждаемых авторов, писателем, который, как тогда заявили критики и мемуаристы, отказался от комфортной жизни советского прозаика и предпочел ей гуманистические принципы, – за что и поплатился.

На деле – не совсем так. Гроссмана бранили и в 1930-х гг., и в военное время. Публикация романа «За правое дело» была частью решения пропагандистского заказа ЦК – создания эпопеи о Великой Отечественной войне. Конкуренция была высокой, что обусловило и агрессивность критики, вызванной публикациями о так называемом деле врачей в центральной советской прессе. После смерти И.В. Сталина кампания сошла на нет, роман был впоследствии многократно опубликован, а сам Гроссман – щедро вознагражден. Наконец, даже после ареста рукописей он не оставил работы – готовил переиздания старых произведений, напечатал

несколько новых вещей. Беден он не был, хотя, конечно, не был и богат настолько, насколько мог бы, если бы «Жизнь и судьба» вышла в СССР в начале 1960-х гг. [Bit-Yunan, Chandler 2019].

При этом во всех биографиях Гроссмана, помимо событий, упомянутых выше, говорится о развернувшейся в центральной советской прессе критической кампании 1946 г. против пьесы «Если верить пифагорейцам». Нередко этот текст причисляется к первым антисоветским сочинениям Гроссмана. Задача данной статьи – изучить идейное содержание произведения.

* * *

Пьеса была опубликована в июльском выпуске журнала «Знамя» за 1946 г.¹ Открывалась она авторским предисловием:

Эта пьеса была написана незадолго до войны. Ее собирался поставить театр им. Вахтангова. Чтение пьесы в театре должно было состояться в понедельник 23 июня 1941 г. Естественно, что чтение это не состоялось. Не состоялась и постановка пьесы.

Ныне, после войны, я вновь перечел пьесу. Как звучат предвоенные мысли в послевоенную пору? Исчезли ли навечно мысли и чувства того, лежавшего перед войной времени? Стоит ли верить пифагорейцам? Легла ли непроходимая грань между тем временем, которое люди называют предвоенным, и тем, которое называется послевоенным?

Поразмыслив, я счел, что во мне не хватит неразумного оптимизма, чтобы назвать эту пьесу целиком и полностью устаревшей, и я решил ее напечатать².

В основе сюжета – конфликт поколений. Старший герой, Андрей Александрович Шатавской, военный инженер, так и не получил признания. В царской России его проекты были забракованы, в СССР с ним не хотели иметь дела, поскольку на заре советской эпохи он не поддерживал большевиков. В детях Шатавской также не находит утешения. Дочь Софья в свое время решила выйти за рабочего, Антона Ивановича Монахова, но Шатавской воспротивился. Дочь оскорбилась, поступила по-своему и разорвала отношения с отцом. Сын Шатавского Петр, тоже инженер, подорвал здоровье, делая карьеру. С отцом не общается.

Одинокий, разочарованный, но не сломленный Шатавской погружается в философию. Ближе всего ему образ мышления пи-

¹ См.: Гроссман В. Если верить пифагорейцам // Знамя. 1946. № 7. С. 68–107.

² Там же. С. 68.

фагорейцев. Он неоднократно повторяет одну и ту же фразу: «Если же верить пифагорейцам, то я когда-нибудь с этой же палочкой в руках буду опять же беседовать с вами, точно так же, как теперь сидящими передо мной. И так же повторится все остальное»³.

На склоне лет, впрочем, судьба к нему смягчается. К Шатавскому тянется его внук Лёвка, сын Софьи и Антона Ивановича. Жена Петра, невестка Шатавского, Марья Михайловна не оставляет своего свекра. И приезжает чаще всего не одна, а со своей дочерью от Петра, внучкой Шатавского – Женей. Есть у Шатавского и друзья – отец и сын Семеновы. Отца зовут Игнатием Игнатьевичем. Он простой рабочий, но он восхищается добротой и эрудицией Шатавского, часто и помногу с ним разговаривает, помогает по хозяйству. Сын Николай Игнатьевич тоже помогает Шатавскому, кладет в его доме печь.

Есть в этом произведении еще один герой – военный по фамилии Варнавицкий. Он был первым мужем Марьи Михайловны. От него она ушла к Петру. С линией Варнавицкого связана, пожалуй, главная идея и основная интрига пьесы. Варнавицкий решает любой ценой реализовать проект Шатавского и для этого добивается его повторного изучения и апробации. Конечно, ему это удастся.

Осенью 1946 г. это сочинение стало объектом критики. Причем ругали и саму пьесу, и ее автора на страницах самых авторитетных советских газет – «Литературной газеты» и «Правды».

Первым нанес удар И.Л. Альтман, известный театральный критик и драматург. Третьего сентября была напечатана его статья «Если верить автору».

Альтман акцентировал внимание на том, что Гроссмановская пьеса была написана еще до 1941 г. Затем Гроссман ушел на войну, в течение которой «написал прекрасную повесть “Народ бессмертен”»⁴. Отметил Альтман и военные очерки, в которых автор «правдиво изобразил людей войны и подвиг народа». Вернувшись с войны, продолжает рецензент, Гроссман перечитал пьесу и понял: ему «не хватит неразумного оптимизма, чтобы назвать эту пьесу целиком и полностью устаревшей». И пьеса была напечатана.

Тон критика становится более угрожающим: «Она слишком серьезна, чтобы о ней говорить шутя и мимоходом. Она слишком несовершенна, чтобы о ней говорить достаточно серьезно». Далее следует сжатый пересказ пьесы. Однако внимание критика фокусируется лишь на философских рассуждениях главного героя, по-

³ Там же. С. 73.

⁴ Здесь и далее цит.: *Альтман И.* Если верить автору // Литературная газета. 1946. 3 сент.

жилого инженера Шатавского, убедившегося, что во вселенной все циклично: на смену миру приходит война, на смену старым приходят молодые, на смену одному режиму приходит другой – и все новое чем-то напоминает старое, не может не быть преемственным от него.

Видимо, не желая осуждать Гроссмана открыто, Альтман пытается разграничить его позицию и позицию Шатавского и на собственный вопрос, согласен ли автор со своим героем, отвечает безапелляционно: «Нет, конечно». Но тут же добавляет, что «в том, как построена пьеса, как движутся события и каким образом автор опровергает суждения Шатавского, столько непоследовательности, что создается впечатление, что автор в плену у пифагорейцев». Впрочем, и не у них одних. Среди близких Гроссману по образу мышления (точнее, по ошибочности мышления) Альтман называет Джованни Батиста Вико, Артура Шопенгауэра и Освальда Шпенглера. Согласно критику, идея цикличности исторического процесса была одной из основных в их трудах – более того, именно эта идея служила объяснением тому, почему историческое развитие общества в какой-то момент прекращалось. Поэтому историософская концепция «Если верить пифагорейцам» порочна.

Справедливости ради рецензент отмечает, что товарищ Шатавского, военный инженер Варнавицкий, пытается опровергнуть слова своего старшего товарища. Он ссылается на другого мыслителя древности, который учил, что «жизнь идет вперед могучим потоком». В этих словах критик усматривает отсылку к учению Гераклита. Далее приводится еще одна цитата из выступления Варнавицкого: «Счастье нашей жизни в стремительности движений вперед. Это закон всей нашей страны, им живут миллионы людей! И пока живут большевики, жизнь наша и нашего народа будет знать лишь один закон: движение вперед! Великий суровый закон. Никто в мире не верит в него, как мы».

Альтман соглашается, что слова Варнавицкого звучат достаточно убедительно, однако позиция героя (она же, по мысли критика, должна совпадать и с авторской, поскольку Варнавицкий – единственный, кто открыто полемизирует с Шатавским) все же не вполне корректна. Для Варнавицкого суть исторического движения заключается в эволюции, в то время как один из советских трюизмов гласит, что «Без революционных взрывов, катаклизмов, скачков и изменений – нет движения». Затем рецензент, конечно, подкрепляет эти слова цитатой из В.И. Ленина.

Следовательно, философия Варнавицкого слишком узкая, чтобы послужить достаточным аргументом против «реакционных идей» Шатавского. Однако еще хуже то, что, по Альтману, автор

недооценил масштаб событий 1917 г., когда «возникло государство нового типа, советское государство», а ведь именно оно «определяет отныне дальнейший ход истории».

Подобная политическая неграмотность и недалёковидность обусловили серьёзные идеологические ошибки. Если верить автору, рассуждает критик, он не согласен с теорией круговорота. Но любой непредубежденный читатель заметит, что автор так и не разорвал этот порочный круг. Поэтому критик сожалеет, что «у талантливого писателя, много продумавшего и сделавшего за годы войны, не оказалось разумного оптимизма, чтобы не напечатать пьесу», поскольку идеи этого сочинения «и до войны были очень устаревшими и неверными».

Однако гораздо более серьёзный удар был нанесен по репутации Гроссмана на следующий день. Четвертого сентября в главной газете СССР, «Правде», появилась статья одиозного критика и главного редактора «Литературной газеты» В.В. Ермилова – «Вредная пьеса». Более резким по сравнению с предыдущим было не только название, но и тон статьи.

Ермилов заявляет, что сейчас задумываться над вопросом, обозначенным в заглавии, не станет никто, кроме «невежд или философских шулеров современного буржуазного декаданса, или, наконец, людей с мистико-идеалистическим вывертом в мозгах»⁵. Хотя в свое время «идеологи декаданса и такие мракобесы, прямые предшественники фашизма, как Шпенглер, Ницше, охотно на разные лады развивали подобного рода реакционные идейки». И возвращение к ним, утверждает критик, особенно опасно, поскольку «эти идейки в моде и сейчас у всех врагов прогресса и демократии, у всех тех, кто хочет привить молодежи наплевательское, циничное отношение к истории и к современности, вызвать разочарование, увести от борьбы за свободу и счастье человечества». Согласно Ермилову, любые попытки сделать жизнь разумнее и чище бесплодны, если исходить из того, что все на свете вечно повторяется.

Тон критика постепенно становится только жестче. Он уже обвиняет Гроссмана в том, что тот «кокотничает с глубоко чуждой советским людям философией, заигрывает с реакционными, давно обветшавшими идеями» и показывает советскую действительность «в кривом зеркале пифагореизма». Затем Ермилов и вовсе заявляет, что Гроссман «не заметил, как скатился на путь буржуазного декадентства, беспринципного заигрывания с реакционными идеями», поэтому как бы он ни пытался создать положительные образы советских граждан, «в действительности рисует карикатуру на

⁵ Здесь и далее цит.: *Ермилов В. Вредная пьеса* // Правда. 1946. 4 сент.

советское общество. Выходит, что не большевистская партия, с ее передовой идеологией, философией диалектического материализма, руководит советским обществом».

И наконец, критик объявляет, что пьеса Гроссмана – это «злостный пасквиль» на советскую действительность, а сам Гроссман посмел опубликовать свое «ублюдочное произведение» после Великой Отечественной войны, победа в которой знаменует торжество большевизма над любыми реакционными идеями.

Упомянуты в отзыве и политические ошибки, вследствие которых «ублюдочное произведение» было напечатано:

Кокетничанье с реакционной философией, отход от позиций социалистического реализма привели Вас. Гроссмана к извращенному изображению советской действительности. И только политической безответственностью редакции журнала «Знамя» можно объяснить появление на страницах журнала реакционной, упадочнической и антихудожественной пьесы Вас. Гроссмана.

При этом акцентировалось, что вахтанговцы не допустили крупной политической ошибки. Они хоть и намеревались поставить пьесу, все же этого не сделали. А вот «Знамя» сочинение напечатало. И это существенно хуже.

Тем не менее никаких административных последствий не наступило. Гроссман не был арестован, июльские номера «Знамени» не отправили под замок. И даже страниц из них никто не вырывал. Критическая кампания угасла 4 сентября.

* * *

Несмотря на то что административных последствий не было и Гроссман еще долгие годы занимался литературой, гроссмановеды к анализу его пьесы подошли серьезно. Так, А.Г. Бочаров, автор монографии 1990 г. «Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба», достаточно подробно описал историю создания текста, а также процитировал письмо администрации театра им. Евгения Вахтангова к Гроссману, где говорилось, что конфликт следовало бы обострить, а некоторые образы прописать более четко. Правда, Бочаров не обратил внимания читателя на то, что претензий идеологических в письме не было.

Также Бочаров исследовал сам текст. Он проследил аналогии между сюжетными ходами пьесы и историческими реалиями 1930-х гг., проанализировал систему действующих лиц и описал характер интерпретации пифагорейской историософии в сочинении Гроссмана.

Причины критики Бочаров связывает с ужесточением политических условий. А именно – с принятием постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Однако этим анализ и ограничивается [Бочаров 1990, с. 85–103].

Биография, написанная Н.Г. Елиной, не получила распространения среди исследователей Гроссмана. Как и Бочаров (на монографию которого Елина явно ориентировалась), она кратко описывает историю создания пьесы, ставшей сразу по ее завершении «несвоевременной». Поэтому и решение все же опубликовать ее в новых, послевоенных условиях она считает категорически неверным. Суровость критиков, согласно Елиной, была вызвана не только содержанием пьесы. Ключевую роль сыграли факторы политического плана [Елина 1994, с. 82–85].

Подробнее всего историософскую и идеологическую компоненту пьесы анализировал Ф. Эллис, автор монографии «Василий Гроссман, Генезис и эволюция русского еретика» (“Vasiliy Grossman. The Genesis and Evolution of a Russian Heretic”). Он подробнейшим образом описывает суть пифагорейского мировоззрения, пересказывает известную историю открытия, что квадратный корень из двух есть число иррациональное. Эллис также раскрывает идейные аналогии между пьесой Гроссмана и известным в Западном мире с 1920-х гг. романом Е.И. Замятина «Мы».

Прослеживаются исследователем и параллели между «Если верить пифагорейцам» и другими произведениями Гроссмана, а именно – романами «Степан Кольчугин» и «Жизнь и судьба» и повестью «Все течет...».

О газетной критике пьесы Эллис лишь упоминает. Примечательно, что он, в отличие от Бочарова и Елиной, не расценивает появление статьи Ермилова как свидетельство ужесточения политических условий. Для него пьеса Гроссмана противоречит советской идеологии в принципе, а не в частности [Ellis 1994, pp. 101–113].

Удивительно, но наименее подробно писали о событиях 1946 г. Дж. и К. Гаррард, авторы подробной научной биографии Гроссмана «Кости Бердичева. Жизнь и судьба Василия Гроссмана» (“The bones of Berdichev. Life and fate of Vasiliy Grossman”). Вопрос реакции газетной критики на публикацию «Если верить пифагорейцам» ими не освещается. Отмечено лишь, что Гроссмана бранили и связано это было, очевидно, с постановлением от 14 августа [Garrard, Garrard 1996, pp. 213–214].

Наиболее подробный анализ критики представлен в работе Д.О. Клинг «Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики». Скандалу 1946 г. посвящен первый раздел первой главы – «Под знаком нормы: восприятие произведений

Гроссмана 1940-х гг. в советской критике военных и послевоенных лет». Клинг соглашается с тем, что одной из причин скандала были политические факторы. Однако она идет дальше:

К рассмотрению пьесы «Если верить пифагорейцам» следует подходить с двух сторон. С одной стороны, по тону и характеру критических высказываний и обвинений в адрес пьесы можно говорить о том, что это было в рамках курса на ужесточение контроля над литературой, начатого сразу после победы в Великой Отечественной войне и ознаменовавшегося выходом вышеупомянутых постановлений (имеются в виду постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме “Большая жизнь”». – Ю. Б.-Ю.]. Но с другой стороны, само произведение отличается (и не только по форме, но и по кругу проблем) от остальных довоенных произведений Гроссмана [Клинг 2012, с. 16–17].

Клинг поясняет:

Темой пьесы стала теория цикличности истории. Гроссман и в предыдущих своих произведениях, прежде всего в романе «Степан Кольчугин», затрагивал тему истории, однако в «Если верить пифагорейцам» понимание истории, движения времени накладывается на вполне конкретную философскую основу – пифагорейство. Исходя из советской идеологии, пифагорейство должно было быть опровергнуто в пьесе, ведь оно не соответствовало представлениям диалектического материализма о прогрессе, к которому идет советское общество.

Таким образом Клинг приходит к выводу, что Гроссман не был случайной жертвой политической кампании, он сам отчасти дал к тому повод, поскольку «попытался столкнуть представления о цикличности и линейности истории (облеченные в форму “пифагореизма” и “тегелянства”), не отдавая явного преимущества второй». Эта специфика свидетельствует, по мнению Клинга, о существовании некоей идейной связи между довоенным творчеством Гроссмана и его поздними произведениями

Упоминания о газетной критике 1946 г. содержатся и в биографии Гроссмана, написанной швейцарским славистом М. Анисимов, «Василий Гроссман: писатель войны» (“Vassili Grossman: Un écrivain de combat”). Существенного внимания этому инциденту, впрочем, не уделяется. Целью Анисимов было не столько описание жизненного пути автора в культурно-политическом пространстве СССР, сколько восстановление истории его семьи,

а также биографического контекста его творчества [Anissimov 2012, pp. 475–481].

Соглашается с предыдущими исследователями творчества Гроссмана и канадский исследователь русской литературы А. Попова, автор монографии «Василий Гроссман и советский век» (“Vasily Grossman and the Soviet century”). Пьеса появилась в печати, говорит она, крайне невовремя – как раз накануне августовских постановлений [Poroff 2019, pp. 186–188].

Казалось бы, для дальнейшего исследования повода нет. Публицистическая и идеологическая составляющие вроде бы эксплицированы главным героем. В истории все циклично, все повторяется так или иначе, в том или ином виде. Это суждение противоречит официальной советской историософии, поэтому книга порочна. Шатавской – резонер Гроссмана, потому как самый умный. Следовательно, Гроссман уже к 1946 г. (если не к началу Великой Отечественной) убедился в том, что история России движется по кругу. Раз так, критика распространяется на автора. Если написал, значит, верил. Если верил и написал, должен быть осужден.

И все же следует сделать одну оговорку. Весьма существенную.

Дело в том, что идея цикличности истории в этой пьесе не только не пропагандируется, но и дискредитируется. Все претензии относительно симпатии автора к пифагорейской историософии – беспочвенны. И сама эта «вредная», по определению Ермилова, пьеса – эталон советской публицистики.

* * *

Даже при беглом пересказе сюжета реализации пифагорейских мыслей в нем не прослеживается. Ничего циклического в этой истории нет. Циклично лишь то, что Шатавской иногда повторяет слова Пифагора, процитированные выше. И действительно, с этими словами постоянно полемизирует Варнавицкий, как отметил Альтман справедливости ради. Однако чего Альтман не отметил – так это того, что Варнавицкий как раз таки и высказывает ту мысль, которой якобы в пьесе не хватает. Это мысль о политической уникальности СССР. Варнавицкий настаивает, что родившееся после 1917 г. государство – это нечто принципиально новое. В мировой истории ничего подобного не было. А значит, законы древних, тем более пифагорейцев, безнадежно устарели:

К черту темный старый закон! Мы взорвали его динамитом, мы растерзали его, мы втоптали его в землю гусеницами наших танков, мы победили его горячей силой миллионов рабочих сердец, мы свергли его светлым разумом освобожденного революцией народа. Андрей

Александрович... Клянусь вам, я заставлю вас верить в то, во что я верю (с. 94)⁶.

Выходит, Альтман либо не дочитал пьесу, либо игнорировал те фрагменты, которые могли аннулировать его обвинительное заключение.

Однако по-настоящему важно другое. Пифагорейство Шатавского – это приобретенная форма веры. Увлечение Шатавского взглядами Пифагора (в том их толковании, которое представлено в книге) коренится в его боли и разочаровании. Работа всей его жизни так и осталась на бумаге. Ни царские министры, ни советские наркомы не оценили его чертежей. А затем похожая участь постигла и его сына, Петра. Проект Петра Шатавского – пусть и не гениальный, но уж точно не бесполезный – был похоронен бюрократом Монаховым. Оттого Шатавской и закрылся в себе, ушел в философствование – и в нем нашел ответ: «Если же верить пифагорейцам, то я когда-нибудь с этой же палочкой в руках буду опять так же беседовать с вами, точно так же, как теперь, сидящими передо мной. И так же повторится и все остальное» (с. 79).

Иными словами, политические проблемы обусловили проблемы личностные, а те стали почвой для убеждений, не соответствовавших официальной идеологии. Однако действие этой пьесы служит доказательством того, что в СССР подобные политические проблемы всегда решаются.

Благодаря внимательности Николая Семенова и его вовлеченности в общее дело, проект Петра получает одобрение. Строительство возобновляется. Но что намного важнее, Варнавицкий добивается того, чтобы оружие, спроектированное Шатовским, было изготовлено и испытано. В конце пьесы Шатавской умирает счастливым под первый, пробный залп своего оружия:

Больно мне, тяжело... Все для России я хотел отдать – весь мозг свой, всю кровь свою, ради ее силы... *(Вдруг вскакивает.)* Что это? Бред, бред мой! *(Слышен мощный, странный, ни с чем не сравнимый гул, мерцающий слепящий свет поднимается в небо.)* Чудится... что это... Это я, это я! Какое счастье! Варнавицкий! Долгие годы по ночам я жаждал этого мгновения, что это – смерть моя или рождение? *(Опускается на подушку.)* (с. 106)

При этом Варнавицкий даже не успевает сообщить Шатавскому, что вечером состоится первое испытание его оружия, т. е. Ша-

⁶ Здесь и далее цит.: Гроссман В. Если верить пифагорейцам // Знамя. 1946. № 7 (с указанием страницы в тексте).

тавской угадывает, что выиграл. И угадывает верно. Разделивший с ним его последние минуты Игнатий Семенов обращается к нему:

Андрей Александрович! Не бредишь ты. И я слышу! Стекла дрожат! Видишь, птицы поднялись! Листья на деревьях дрожат. Не по кругу жизнь идет, слышишь, Андрей Александрович, а вперед, грудью! Твой светлый разум победил, Андрей Александрович, родной мой! (*Отпускается возле постели.*) (с. 106)

Более того, Шатавской и сам признается, что разочаровался в жизни, – но признается лишь самому себе. В одной из сцен к нему приходит сын Семенова Николай. Затем возвращается с работы внука Шатавского Женья, уже в статусе невесты Николая. Николай с гордостью преподносит Жене подарок – горжетку из лисицы. Девушка восклицает: «Боже, какой ужас! Это крашенная в чернобурый цвет честная рыжая лисица!» (с. 98). Николай, конечно, огорчается, но Женья его сразу успокаивает. Они уходят. Шатавской остается один:

Ох, как мне тяжело! (*Откидывается в кресло.*) Лисица... лисица... лисица... крашенная лисица... (*Встает во весь рост.*) Но ничего, я выдержу до конца. Подобно тому древнему, которому лисица пожирала внутренности, я не выйду из строя и никому из близких до последнего дня не омрачу жизни своим стоном. Лисица! Ты не сожрешь моего старого духа... (*Садится за рояль, медленно, вспоминая, играет.*)» (с. 98)

Это явная аллюзия на известную легенду о спартанском мальчике и лисенке, рассказанную Плутархом. Тогда этот сюжет знали буквально все. Спартанский мальчик украл лисенка и спрятал под плащом. К нему подошли незнакомцы и начали с ним говорить. В этот момент лисенок начал есть своего похитителя и вскоре добрался до его внутренностей. Несмотря на нестерпимую боль, мальчик продолжал разговор, и его собеседники ничего не заподозрили. Мальчик вскоре умер, однако о его стойкости сложили легенды.

Так и Шатавской, оказывается, всю жизнь мучается и прячет под плащом свои раны. Но мучениям пришел конец. Перед Шатавским – горжетка из лисицы. Спартанец выжил. Лисица мертва.

Однако сама эта ситуация (окончание мучений/удачная охота) и многократно употребленное слово «лисица» могли напомнить образованному читателю о еще одном древнем сюжете, менее известном. Это миф о Тевмесской лисице. Наиболее подробно его описал Аполлодор Афинский. Согласно ему, лисица, обитавшая в Тевмесской пещере, неподалеку от города Фивы, причиняла людям

много вреда. Она убивала их скот, а также нападала на них. Зверь был жесток и беспощаден и усмирялся на время лишь в том случае, если получал в жертву мальчика. Изловить ее не удавалось никому, поскольку у лисицы была магическая способность скрываться от любого преследователя. Тогда царевич Амфитрион отправился к легендарному охотнику Кефалу, хозяину пса Лайлапа. Пес был мифическим антиподом лисицы – он достигал любую добычу. Когда Лайлап погнался за Тевмесской лисицей, земной порядок вещей оказался нарушен. Зевс разгневался и обратил лисицу и пса в камень.

Есть и другие, более бесхитростные доказательства, что пифагорейский скепсис у Шатавского – от многих огорчений. С ним ведь не только Варнавицкий спорит. Иногда с ним не соглашается и его друг Игнатий Семенов, не обладающий ни его интеллектом, ни его эрудицией. Он часто сетует, что рано состарился. Быть бы ему моложе – он бы «жизнь зубами кусал, дня бы не потерял» (с. 96–97). Но вот беда – «зубов нет, кусать нечем». Шатавской же на это отвечает, что ему жить давно надоело: «Мне кажется, я прошел круг. И вижу, как другие идут по этому кругу. И на это уж я устал смотреть. Идут годы, все меняется и ничего не меняется. Все течет! Но если проследить это великое течение, то и оно подчинено круговороту». Следовательно, по Шатавскому, вариативна форма, а содержание неизменно и Пифагор прозорливее Гераклита.

Однако у Семенова находится на это возражение:

Ты насосался жизни, Андрей Александрович, отваливаешься от нее. А слов твоих я не понял <...> Царь о том не мечтал, о чем я возмечтал. Разве мыслимо это: сын мой управлять заводами будет, где работают тысячи людей. Ты ученый человек, мудрец, а мой Николай на твоей внучке женится. Между ними любовь! Как же не меняется жизнь? Все ведь до кирпичика – и одежда, и разговор, и кто с кем рядом сидит, и жизнь, и судьба людская – все переменялось. Нет, Андрей Александрович, я понять не могу, как ты жизнь объясняешь (с. 96–97).

И Семенов не лукавит. Он действительно не может понять, как Шатавской объясняет жизнь, потому что у Семенова другой опыт. Он уважаемый рабочий, счастливый отец, а в перспективе – и дед. Его сын много и хорошо трудится на благо общества, женится на доброй и умной девушке. Раньше это было бы невозможно. А сейчас – это обыкновенная история. Но Шатавской «насосался жизни» и «отваливается от нее», поэтому ему все постыло. Сравнение, кстати, странное: насасывается, а потом отваливается, как известно,

вредоносное насекомое вроде клеща или клопа – а такие животные не имеют положительной репрезентации в русской культуре.

Примечательно и то, что в конце произведения вопрос о цикличности событий окончательно вымещается в частную область. После смерти Шатавского его невестка Марья Михайловна обращается к своему первому мужу Варнавицкому, который по-прежнему ее любит:

И здесь, у тела умершего деда, я знаю, смерти нет... И спор твой с дедом – ты, ты в нем оказался прав. Помнишь, как он говорил: «Если верить пифагорейцам... и так же повторится и все остальное...» Нет, не повторится... (с. 107)

Варнавицкий отвечает ей: «А глядя на тебя, я думаю: как горько, что они не правы, – пусть будут правы, пусть повторится, пусть повторится...»

Однако пропагандистская функция пьесы выполняется не только за счет развенчивания пифагорейства. Все остальные сюжетные элементы безупречны в агитационном отношении.

Так, Варнавицкий, переживая разрыв с Марьей Михайловной, решает, что должен стать настоящим мужчиной, – только тогда боль исчезнет. Он начинает изучать точные науки, очень много читает – и становится известным советским ученым. Сама Марья Михайловна при встрече с ним восторженно говорит:

Как все ошибались. Мои домашние говорили о тебе – дикарь, мужик. А ведь я все эти годы о тебе знаю, я специально выписывала журналы, где писали о тебе. Я знаю, что ты окончил Военную академию и физико-математический факультет, знаю, что ты ездил за границу, знаю, что ты прочел в Англии курс лекций на английском языке, что на сессии Академии наук ты делал доклад (с. 77–78).

На вопрос Марьи Михайловны, как сложилась его жизнь, Варнавицкий бодро отвечает: «Ты меня прости, но жизнь моя сложилась хорошо». И нет, конечно, он по-прежнему любит ее, но не считает правильным это показывать. О глубине его чувства к Марье Михайловне мы можем судить, лишь когда он наставляет Левку, безответно влюбленного в Женю: «Сердце должно выдерживать, Лева. Вот у меня оно выдержало. А я когда-то тоже думал, что разорвется мое сердце» (с. 87).

Варнавицкий отказывается ходатайствовать за Петра, второго мужа Марьи Михайловны. Но дело отнюдь не в ревности, а в справедливости:

Ты не веришь в правдивость моих суждений? Твой Петр строит так, как строили многие, а случайный бюрократ Монахов чинит ему препятствия. Но в твоём воображении Петр превратился в какого-то Джордано Бруно (с. 89).

Услышав это, Марья Михайловна бросается разуверять Варнавицкого и говорит, что он всего лишь «бедный скромный, провинциальный инженер». И даже называет его «карликом» по сравнению с Варнавицким. Несколько часов работы Варнавицкого «важней для блага, для славы страны, чем десять лет его труда». Но она любит Петра – и «никто в мире мне не смеет помешать любить его, быть счастливой его любовью, тысячу раз благословлять день, когда я увидела его». Ничто не изменит чувств Марьи Михайловны – будь он даже «нищим, бездомным».

Варнавицкого ранят слова Марьи Михайловны. Но вскоре Петру, находящемуся на лечении в санатории, становится хуже. Марья Михайловна убивается, что не сможет скоро добраться к нему, – и Варнавицкий вновь проявляет благородство: «Я все сделаю. На рассвете ты улетишь к Петру самолетом, и завтра же ты будешь там».

Марья Михайловна, покинувшая рыцаря Варнавицкого, тоже может быть оправдана. Она полюбила другого, менее упорного и целеустремленного, но доброго и порядочного. Она не стала обманывать Варнавицкого – просто ушла от него.

С историей Варнавицкого соотносима история Лёвки. В начале повествования он – франтоватый юноша, который лихо водит отцовский автомобиль. Судьба не была к нему немилосердна, поэтому он с присущей ему легкостью перебирает карьерные перспективы. То он собирается изучать гуманитарные науки, то решает стать естественником – весь мир у его ног. Но даже такой Лёвка остается любящим внуком. В отличие от матери, он часто навещает своего деда Шатавского. Отправляется на вокзал, чтобы встретить приезжающих в город Марью Михайловну и Женю.

Переживая влюбленность в Женю, он постепенно становится сентиментальным, затем озлобляется, потом смиряется. Осознав, что Женя к нему равнодушна, он решает сосредоточиться на учебе, но проваливается на вступительных экзаменах. Этот сюжетный ход важен по двум причинам. Во-первых, родители Лёвки, высокопоставленные чиновники, его поступлению, по-видимому, не «содействовали». А значит, люди они порядочные. Во-вторых, неудача отрезвляет его. От боли и разочарования он даже пытается наложить на себя руки, но, к счастью, его спасают. После этого он мог бы сдать и переложить ответственность за свою жизнь на кого-то другого. Но, конечно, он так не поступит. В последнем действии мы

встречаем совсем другого Лёвку, возмужавшего и благоразумного. Он не без гордости говорит отцу:

Вот я – еще месяц назад, казалось, нельзя мне жить на свете, а сейчас, видишь, – я работаю и учусь, хожу пешком по двенадцать километров в день. Занят восемнадцать часов в сутки, и хорошо мне жить. А ведь все было так пусто, так страшно пусто. А теперь я знаю, чего хочу. Хочу, горячо хочу. Понимаешь, первый раз в жизни по-настоящему, горячо! (с. 103).

И при встрече с Женей, которая уезжает вместе с Николаем к тому месту, где будет построено нечто изобретенное ее отцом, Лёвка не теряется. Когда та просит у него прощения и признается, что долго плакала, оттого что стыдилась своего счастья, Лёвка говорит ей, в нем тогда «не страсти» (с. 104) кипели, а «так, какая-то ничтожная суета» была. Он не понимал, к какой цели ему стремиться – «изучать философию или стать трактористом». Не знал он, как ему вообще жить. Зато в глубине души понимал, что «если б тогда вы ответили на мою любовь, я бы через пять дней, наверное, удрал бы от вас».

Его можно бы, конечно, заподозрить в желании уязвить девушку, сказав ей, что она ему никогда особенно не нравилась. Но тогда следовало бы показать, как он в минуты одиночества страдает от безответного чувства. Ведь Гроссман использовал такой прием в истории Варнавицкого. Однако ничего похожего в сюжетной линии Лёвки нет. И Женя не чувствует, будто Лёвка неискренен. Они расстаются друзьями. Иначе говоря, через труд и служение обществу Лёвка уверенно идет к личному счастью.

Что же касается антагониста, Монахова (того самого «случайного бюрократа»), то и он отнюдь не монстр. Бюрократ – да, перестраховщик – да, вредитель и вор – нет. Действительно, он забраковал работу Петра, отчего тот заболел. Но о работе Петра и Варнавицкий отзывался без восторга. К тому же, оказывается, строительство было небезопасным и на его продолжение были необходимы дополнительные деньги. А Монахов – ответственное лицо. И он не видит достаточного основания для риска. Его можно понять. Кроме того, он никогда и не строил из себя героя. Так, в телефонном разговоре с кем-то из товарищей он говорит:

Что? Меня эти изобретатели вконец замучили. Один – одно, второй – второе! Только из Америки оборудование привезли – и этому Галилею-Семенову, видишь, не нравится оно. Не могу же я остановить производство и превратить цехи в лаборатории... (с. 80).

Когда же к нему приходит Шатавской с просьбой пересмотреть проект Петра и заявляет ему, что Монахов ведет себя «не по-большевистски» (с. 81–82), тот ему справедливо возражает: «Вы меня будете учить большевистскому поведению? Вы?» И его снова можно понять. Ведь Шатавской и сам не поддерживал большевиков. Впрочем, в той же сцене Шатавской раскаивается перед Монаховым почти по-сменовеховски: «Я ничего не видел, я был слеп. Мне казалось – гибнет моя великая страна, большевики ее отдают на растерзание внешнему врагу. А прошло двадцать лет, и большевистская Россия стоит могучей, нерушимой, единой! Мы и не смели о ней мечтать, о такой силе!» И тогда Монахов чуть ли не с мольбой обращается к старику:

Хватит! Нельзя четверть века шагать без отдыха без остановок. Я устал, понимаете вы, я устал. <...> Когда-то вы меня, всех нас ругали, что мы идем на безумный риск, на головокружительные дела, теперь вы мной недовольны, что я не хочу рисковать. Когда же я ужоу вам? (с. 82)

Есть и еще одна причина, которая вынуждает Монахова быть осторожным. У него развился порок сердца. Но он скрывает это от всех, кроме жены. А из ее разговора с Шатавским мы узнаем, как именно Монахов потерял здоровье:

Помнишь ли, в декабрьскую стужу он уходил в порванной кожаной тужурке в брестские казармы, в снег, в метель, голодный, он возвращался под утро в нетопленную комнату и вновь уходил через два часа? (с. 100–101)

Выходит, Монахов работал на износ. Кстати, и его жена редко возвращается с работы засветло.

А еще Монахов чтит память о своем отце, простом рабочем, который погиб в забое от сердечного приступа, и любит своего сына Лёвку. Он как-то раз даже упрекает Софью Андреевну, что та невнимательна к ребенку:

Соня, ты не понимаешь? Не видишь? Ты и при дневном и при вечернем свете на Левку не смотришь. Ты там разных вирусов фильтруешь, под микроскопом все видишь, а у сынишки в душе ничего не видишь (с. 83).

Трудно поверить, что злонамеренный и продажный человек может так чувствовать и говорить.

Но и это еще не все. Монахов не царь и не бог. Над ним тоже есть начальство. Взявшийся за переоценку проекта Петра, Николай Семенов представляет коллегии соответствующего наркомата заключение, доказывающее, что работа может быть доведена до конца. И Монахова снимают с должности. «Случайный бюрократ» оказывается простым советским служащим, судьбу которого определяют внимательные и чуткие товарищи. Можно было бы сказать, что справедливость восторжествовала. Но Монахова вместе с тем исключают из партии (заморозив строительство, он, по словам Николая Семенова, «миллион семьсот тысяч рублей в землю законопатил» [с. 91]), и для него это настоящая трагедия, ведь он долго и честно служил ей. В конце произведения, впрочем, выясняется, что он подал заявление в КПК. Надежда, что его простят, остается. В конце концов, здоровье-то он на работе растратил.

Софья Андреевна внемлет словам мужа насчет Лёвки, становится более чуткой и вскоре после того разговора отправляется к своему отцу. Разговор между ними непростой, но и не холодный. Умирает Шатавской на даче у Монаховых, в окружении друзей и родных.

Наконец, следует сказать несколько слов о самой светлой сюжетной линии – об истории Семенова и Жени.

Николай, как и Варнавицкий, – идеальный герой. Честный, заботливый, всегда готовый протянуть руку помощи. Он боготворит своего отца (а тот – сына), много учится и честно работает. Николай живет исключительно ради того, чтобы сделать мир лучше. В этом стремлении доходит до жертвенности. Он не ест, не спит, редко видится с друзьями и родными, но очень такими встречами дорожит. Им восхищаются почти все, и почти все тревожатся о нем.

Как-то раз его отец, Игнатий Семенов, застает его на кухне за чтением документов, чертежей и т. п. Очевидно, что Николай не спал всю ночь (как и две предыдущие). Но он тут же кидается наливать отцу чай. Шутливый разговор про «двести атмосфер в башке» постепенно становится серьезным. Старый рабочий буквально умоляет сына:

Николай, сынок! Что ты делаешь? Три ночи так сидеть! Перетрудишь башку! Это как воду в горячую печь лить – лопнет башка! Взорвет! Колька, себя пожалей (с. 90).

Однако и такие описания вполне соответствуют советской литературной традиции. Трудящийся во благо общества должен чем-то жертвовать – хотя бы своим комфортом. Тогда можно рас-

считывать на награду – признание, жизнь, наделенную смыслом. И любовь Жени – это, конечно, форма признания.

И все же, перефразируя классика, вот эту-то пьесу и нашли тогда «вредной».

* * *

Итак, сама пьеса – идеологически безукоризненна. Буквально придаться не к чему. И это дополнительный аргумент в пользу того, что она была разгромлена в связи с ужесточением политических условий. Ермилов, кстати, выражался в терминах августовских постановлений⁷.

Следовало бы также отметить, что еще одной причиной кампании была борьба за Сталинские премии. Кандидатуру Гроссмана лоббировал СП СССР, но это была не единственная структура, которая могла продвигать своих кандидатов. С ней в конфронтации часто находился Агитпроп [Бит-Юнан, Фельдман 2019, с. 307–318].

И все же один вопрос остается без ответа. Раз пьеса образцово советская, то почему сам Гроссман предварил ее пессимистической преамбулой?

Ответ может показаться неожиданным, но дело... в самой этой пьесе. Она не просто заурядная. Она совершенно безликая, лишенная оригинальности. От самого Гроссмана здесь – только увлечение философией. Судить о его владении русским языком, равно как и о специфике его мышления, по этому тексту невозможно. Помимо этого, «Если верить пифагорейцам» – образец лакировочной литературы. В ней конфликт – исключительно между хорошим и лучшим, т. е. его нет.

Петр хороший. А Варнавицкий – лучший. И Марья Михайловна решила почему-то удовольствоваться хорошим. Может, потому, что Варнавицкий не был тогда еще лучшим? Ведь она ушла не от блестящего полковника и признанного ученого. Получается, Петр был лучше хорошего Варнавицкого...

Монахов, как выяснилось, тоже хороший. А Варнавицкий на его фоне – снова лучший. А еще Николай Семенов лучший, потому как увидел и исправил ошибки Монахова. А сняли хорошего Монахова с должности те, кто дальновиднее его. А значит, они лучшие.

⁷См.: О журналах «Звезда» и «Ленинград» (из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа) // Правда. 1946, 21 авг.; Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению // Большевик. 1946. № 16. С. 46.

Лёвка в начале произведения – хороший. Избалован немного, но дедушку навещает, помогает ему по мере сил. Он – хороший. А отказала ему лучшая девушка, Женя, и он взялся за ум, повзрослел и стал лучше, чем был.

Иначе говоря, система действующих лиц и конфликтов примитивна до комического. Кроме того, порой невольно складывается впечатление, будто сам Гроссман относился к своему произведению иронично.

Так, узнав от Жени, что она выходит за Николая и вместе со своей матерью отправляется к своему отцу, руководителем которого назначен Николай, Лёвка отвечает: «Да, действительно все хорошо – молодые, отец, мать, все цветут и работают, как в современной пьесе».

Странный комментарий. И слово «цветут» звучит странно – точнее, иронично. Не менее странно и сравнение Семеновым Шатавского с кем-то кровососущим. Малоубедителен, потому что анекдотичен, пафос Марьи Михайловны, называющей своего мужа карликом.

Однако все несуразности перестают быть таковыми, если предположить, что Гроссман эту пьесу не любил и прозрачно намекнул на это. В конце 1930-х гг. ее публикации и постановки следовало бы добиваться, чтобы заработать денег и лишний раз продемонстрировать свою лояльность к советской власти и полезность для нее. Но после войны – пожалуй, только из-за денег.

Как и для многих советских писателей, для Гроссмана война стала рубежом. Очевидная необходимость борьбы с нацистской Германией на время примирила его с советским режимом. Кроме того, в первые месяцы войны цензоры были чуть менее придирчивы к советским писателям. Однако уже в 1943 г., после победы под Сталинградом, цензурные условия начали ужесточаться. Член правления СП СССР Гроссман не мог этого не замечать. К лету 1946 г. тенденция к восстановлению литературных стандартов конца 1930-х гг. стала очевидной [Бабиченко 1994, с. 72–110; Сухих 2012, с. 199–207; Громова 2009, с. 8–12; Фрезинский 2008, с. 506–543].

Выражаясь языком пифагорейцев, история пошла на круг. А вместе с ней – и культурный процесс.

Поэтому уместно предположить, что эту пьесу следует рассматривать в первую очередь как металитературное произведение. В этом, пожалуй, основная его ценность.

Литература

- Бабиченко 1994 – *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994. 172 с.
- Бит-Юнан, Фельдман 2019 – *Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М.* Василий Гроссман: биография писателя в политическом контексте советской эпохи. М.: РГГУ, 2019. 360 с.
- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 378 с.
- Громова 2009 – *Громова Н.А.* Распад: Судьба советского критика в 40–50-е годы. М.: Эллис Лак, 2009. 496 с.
- Елина 1994 – *Елина Н.Г.* Василий Гроссман. Иерусалим [: Б. и.], 1994. 253 с.
- Клинг 2012 – *Клинг Д.О.* Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 211 с.
- Сухих 2012 – *Сухих И.Н.* Проза советского века: три судьбы: Бабель. Булгаков. Зощенко. СПб.: Журнал «Нева», 2012. 215 с.
- Фрезинский 2008 – *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 гг. М.: Эллис Лак, 2008. 668 с.
- Anissimov 2012 – *Anissimov M.* Vassili Grossman: Un écrivain de combat. P.: Éd. du Seuil, 2012. 873 p.
- Bit-Yunan, Chandler 2019 – *Bit-Yunan Yu., Chandler R.* Vasily Grossman. Myths and counter-myths // Официальный сайт “Los Angeles Review of Books”. URL: https://lareviewofbooks.org/article/vasily-grossman-myths-and-counter-myths/#_ftn26 (дата обращения 31.08.2023).
- Ellis 1994 – *Ellis F.* Vasily Grossman. The genesis and evolution of a Russian heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994. 256 p.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev. The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996. 437 p.
- Popoff 2019 – *Popoff A.* Vasily Grossman and the Soviet century. New Haven; L.: Yale University Press, 2019. 424 p.

References

- Anissimov, M. (2012), *Vassili Grossman: Un écrivain de combat*, Éd. du Seuil, Paris, France.
- Babichenko, D.L (1994), *Pisатели i tsenzory: Sovetskaya literatura 1940-kh godov pod politicheskim kontrolem TsK* [Writers and censor: Soviet literature of the 1940s under the Central Committee political control], *Rossiia molodaya*, Moscow, Russia.
- Bit-Yunan, Yu. and Chandler, R. (2019), *Vasily Grossman. Myths and counter-myths*, available at: https://lareviewofbooks.org/article/vasily-grossman-myths-and-counter-myths/#_ftn26 (Accessed 31 Aug. 2023).

- Bit-Yunan, Yu.G. and Feldman, D.M. (2019), *Vasilii Grossman: biografiya pisatel'a v politicheskom kontekste sovetской epokhi* [Vasily Grossman. The writer's biography in the political context of the Soviet era], RGGU, Moscow, Russia.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasily Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vasily Grossman. Life, legacy, fate], Sovetskii Pisatel', Moscow, USSR.
- Elina, N.G. (1994), *Vasilii Grossman* [Vasily Grossman], Jerusalem, Israel.
- Ellis, F. (1994), *Vasily Grossman. The genesis and evolution of a Russian heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Frezinskii, B.Ya. (2008), *Pisateli I sovetские vozhdі: Izbrannye suzhety 1919–1960 godov* [Writers and Soviet leaders. Selected episodes of years 1919–1960], Ellis-Lak, Moscow, Russia.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev. The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, New York, USA.
- Gromova, N.A. (2009), *Raspad; Sud'ba sovetского kritika v 40–50-e gody* [Disintegration. The fate of a Soviet critic in the 1940s – 1950s], Ellis-Lak, Moscow, Russia.
- Kling, D.O. (2012), *Tvorchestvo Vasiliya Grossmana v kontekste literaturnoi kritiki* [Vasily Grossman's legacy in the literary criticism context], Marina Tsvetaeva's House-Museum, Moscow, Russia.
- Popoff, A. (2019), *Vasily Grossman and the Soviet century*, Yale University Press, New Haven, USA, London, UK.
- Sukhikh, I.N. (2012), *Proza sovetского века: tri sud'by: Babel'. Bulgakov. Zoshchenko* [The prose of the Soviet age. The three fates. Babel. Bulgakov. Zoshchenko], "Neva" journal, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yurii G. Bit-Yunan, D. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Presidential Academy, Moscow, Russia; 82-1, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; bityunan@gmail.com

УДК 070:82

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-100-110

Специфика использования прецедентного феномена в «Дневнике политика» П.Б. Струве

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kutarenkova@yandex.ru*

Аннотация. В статье изучаются особенности использования прецедентных текстов, ситуаций и имен в статьях П.Б. Струве, опубликованных в газетах «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство» и объединенных рубрикой «Дневник политика». Акцент сделан на прецедентных феноменах, связанных с литературными текстами – от русского эпоса до русской классической литературы XIX в. Выделяются закономерности введения цитат и литературных антропонимов. Анализируются значение и роль прецедентных текстов в эмигрантском дискурсе.

Ключевые слова: П.Б. Струве, публицистика, прецедентный текст, цитата, литературный антропоним, «Дневник политика», эмиграция, русское зарубежье

Для цитирования: Бондарева-Кутаренкова Т.С. Специфика использования прецедентного феномена в «Дневнике политика» П.Б. Струве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 100–110. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-100-110

The specificity of precedent phenomenon's using in the P. Struve's "The politic's journal"

Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kutarenkova@yandex.ru*

Abstract. The paper studies the features of precedent texts, situations and names used in articles by Russian politician, economist and historian Pyotr Struve, and unified under the rubric "The politic's journal" published in the newspapers "Vozrozhdeniye", "Rossiya" and "Rossiya I slavyanstvo". The article focuses on the precedent phenomenons associated with literary texts – from Russian epic to classical Russian literature of the 19th century.

© Бондарева-Кутаренкова Т.С., 2023

The regularity of introduction of quotes and literary anthroponyms is also highlighted. The author describes the meanings and roles of precedent texts in emigration discourse.

Keywords: P. Struve, journalism, precedent text, quote, literary anthroponym, “The politic’s journal”, emigration, Russians abroad

For citation: Bondareva-Kutarenkova, T.S. (2023), “The specificity of precedent phenomenon’s using in the P. Struve’s ‘The politic’s journal’ ”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 100–110, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-100-110

П.Б. Струве вошел в историю как личность необычайно разносторонняя: политик, экономист, философ, историк, социолог, журналист и редактор ряда общественно-политических изданий. Об экономических теориях, политических и исторических концепциях Струве написано немало научных статей и монографий. Но какой бы стороной научной, политической или общественной деятельности этого человека ни занимались исследователи, они всегда соприкасаются со словом П.Б. Струве. Это – тема, заслуживающая отдельного и глубокого изучения: он владел языком не просто интеллектуала и ученого, но истинного энциклопедиста.

В 1925–1927 гг. Струве занимал пост главного редактора газеты «Возрождение», в которой вел две рубрики – «Заметки писателя» и «Дневник политика». В последней он представлял свой взгляд на международные отношения, европейскую политику, историю России и советскую современность, жизнь русской эмиграции. Название, безусловно, восходило к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского. Для Струве Достоевский имел огромное значение. Он называл писателя не только великим художником, но и великим религиозным мыслителем, который «сам есть огромное религиозное явление». В 1931 г., в год 50-летия со дня кончины Достоевского, Струве публикует статью «Две речи о Достоевском» в газете «Россия и славянство» и выступает с докладом на торжественном собрании. В белградском Русском научном институте он руководил семинарием по изучению творчества Достоевского [Симачёва 2002, с. 187–196].

В 1927 г. Струве покидает пост главного редактора «Возрождения» из-за разногласий с издателем, нефтепромышленником А.О. Гукасовым и основывает газету «Россия», затем газету «Россия и славянство», а «Дневник...» переходит за главным редактором из издания в издание.

Внук Н.А. Струве называл этот дневник деда «горячим, мудрым и бескомпромиссным» [Струве 2012, с. 13–17]. Действительно, метафорика и прецедентность в статьях Струве необычайно верно передают суть явлений и сущность людей, о которых писал автор. Его образные характеристики порой бывали очень резкими. В отечественной науке «Дневник политика» П.Б. Струве всегда больше интересовал историков как источник. В историографии политической мысли и культуры русского зарубежья этот сборник статей действительно имеет важное значение для исследователей. При этом «Дневник политика» никогда не изучался отдельно как публицистический текст и мало изучался как часть журналистской составляющей творческого наследия Струве.

Именно публицистический текст способен оперативно и непосредственно воздействовать на аудиторию, как определяет Е.С. Щелкунова¹. Публицистика всегда работает с актуальными общественно-политическими вопросами, при этом апеллируя к аудитории, устанавливая коммуникационный контакт. Печатное слово имело большое значение в жизни русской эмиграции первой волны – как средство социальной адаптации и поддержания связи между русскими эмигрантами в разных странах мира. Второй момент, о котором напоминает Л.Г. Кайда, это оценочность [Кайда 2008, с. 31–43]. Для русского читателя, оказавшегося за рубежом, важна была оценка событий автором статьи – в первую очередь для понимания сути происходящего в мире и на покинутой родине. Третья особенность публицистического текста, которую отмечают исследователи и которая важна для нас в контексте изучения текстов П.Б. Струве, это синкретическая природа публицистического текста: работая с фактическим материалом, автор широко использует образность, воздействуя на аудиторию эмоционально [Мартиросьян, Самарская 2011, с. 143–147]. Изучая статьи из «Дневника политика» как публицистические тексты, следует уделить особое внимание их эмоциональной апелляции к читателю, специфике демонстрации авторской индивидуальности, которая выражается в использовании Струве прецедентных феноменов.

Одним из выразительных средств публицистики является интертекстуальность («текст в тексте»), обладающая экспрессивным потенциалом, что особенно ценно для журналиста. Исследователи публицистики во главе с профессором РГГУ Е.Н. Басовской отмечают, что автор публицистического текста может творчески изме-

¹Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование: Учеб. пособие. Воронеж: Родная речь, 2004. С. 116.

нять как структуру, так и смысл известного изречения, но и в том и в другом случае он побуждает читателя активно мыслить².

Важной составляющей интертекстуальности являются прецедентные феномены. Известный российский лингвист Ю.Н. Караулов выявил три характерных особенности прецедентных текстов: они значимы «для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении», известны широкому кругу лиц, связанных с этой личностью (к ним относятся и предшественники, и современники), и в своем дискурсе данная языковая личность неоднократно обращается к этим текстам. Караулов также отмечает, что одной из категорий прецедентных текстов являются литературные тексты. «Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 2010, с. 216] – эти слова ученого имеют особо важное значение в контексте дальнейшего изучения роли прецедентных текстов в эмигрантском дискурсе на примере публицистики П.Б. Струве.

Большинство эмигрантов первой волны верило в скорое возвращение на родину и долгое время не стремилось ассимилироваться. Этим было обусловлено старание сохранить родной язык, традиции и культуру. Эмигрантское сообщество включало в себя не одно поколение, а также людей совсем не одинаковых политических убеждений (монархистов, кадетов, эсеров, анархистов, евразийцев), представителей разных народностей бывшей Российской империи, различного происхождения, с разным социальным статусом и разными судьбами. Но это были люди, в большинстве своем воспитанные на одинаковых книгах, а значит – носители одного культурного кода, в процессе коммуникации которых происходило совпадение смысловых установок. Одним из выражений этого было использование определенных цитат, уместное упоминание конкретных образов и ситуаций. И главным источником этих языковых культурных кодов была русская литература.

Подобное совпадение смысловых установок происходило не только на уровне межличностного общения, гораздо чаще – на уровне диалога читателя и журналиста. Для людей, переживших такие серьезные потрясения, как Гражданская война и потеря родины, было естественным желание высказаться и в ответ услышать голоса соотечественников. А лучшим способом для такого рода

² Басовская Е.Н., Каневская Я.Е., Подкина Ю.В., Яковлева Ю.В. Теория публицистики: Учеб. М.: РГГУ, 2023. С. 97.

коммуникации, безусловно, была журналистика. Печатное слово являлось самым действенным и фактически единственным средством сохранения самосознания граждан, оказавшихся в изгнании. Распространение русского слова с помощью печати позволяло эмигрантам продолжать творческую деятельность и поддерживало развитие их интеллектуальной и культурной жизни.

В публицистическом тексте цитаты, прецедентные имена и другие прецедентные феномены (наравне с перифразами, аллюзиями, реминисценциями), как пишет исследователь прессы русской эмиграции А. Зеленин, «размечают смысловое поле», в котором ведется диалог автора с читателем [Зеленин 2007, с. 294]. У каждого социума есть коллективная память, стремление к социальной идентификации и необходимость во внутреннем диалоге. Одним из типов такого диалога является коммуникация между автором публицистического текста и читателем. Прецедентные тексты служат основой для сохранения коллективной памяти и социальной идентификации, они же являются важной составляющей диалога автора и читателя, обеспечивающей понимание адресатом ключевых мыслей адресанта. Именно поэтому в каждом социуме производятся и воспроизводятся прецедентные тексты.

В данной статье мы обратимся к изучению конкретной категории прецедентных имен – нереальных онимов, а именно – литературных антропонимов. Наравне с ними следует рассмотреть и цитаты из литературных произведений, которые нередко входят в публицистику Струве в форме прецедентных ситуаций или высказываний. В его публицистике, безусловно, встречаются и другие типы прецедентных феноменов (к примеру, реальные онимы – было бы сложно представить статьи историка П.Б. Струве без обращения к историческим антропонимам), но это иная обширная тема, требующая отдельного исследования.

Автор монографии о языке прессы русской эмиграции периода между двух мировых войн, А. Зеленин, отмечает, что наиболее часто в периодике русского зарубежья прецедентные имена с характеризующей модальной функцией берутся авторами из произведений Достоевского, чуть реже – Салтыкова-Щедрина и Гоголя (Зелениным были изучены журналистские материалы и публицистические тексты из более, чем 20 эмигрантских изданий, выходивших во Франции, Германии, Швейцарии, Польше, Китае, Аргентине, Чехии, странах балканского полуострова и др. [Зеленин 2007, с. 321]). В этом ключе Струве как публицист, активно использующий в своих текстах литературные антропонимы, не является исключением: в его публицистической речи «рекордсменами» по цитируемости также были именно эти три русских классика.

Обратимся к образам из произведений Достоевского. А. Зеленин пишет, что наиболее часто в прессе эмиграции вспоминались образы из романов «Братья Карамазовы» и «Бесы» (самые используемые номинации – Смердяков как выразитель идеи «вседозволенности», Лебядкин – «бездарный и пошлый графоман») [Зеленин 2007, с. 321]. Как уже отмечалось выше, Достоевский был любимым писателем и мыслителем П.Б. Струве. В первую очередь нужно вспомнить знаменитую речь, произнесенную в 1931 г. в Белграде, в которой автор собрал целую плеяду:

Раскольников – это не произведение Достоевского, это сам Достоевский. Соберите Карамазовых, Федора Павловича, Ивана, Дмитрия и Алешу, и вы получите Достоевского. Или иначе: разложите Достоевского на отдельные стороны его страшно сложной природы, и вы с изумлением, даже скажу: с содроганием, увидите перед собой Карамазовых...³

Однако апелляции к персонажам в статьях напрямую не так часты, при всей значимости Достоевского для Струве. Показателен один пример, в котором мы встречаем прецедентный текст, содержащий важную деталь. В одном из первых выпусков газеты «Россия» за 1929 г. Струве рассуждал о том, что большевистско-коммунистический режим как экономическая система очевидно и по объективным причинам переживает свой крах, и далее приводит свидетельствующие об этом факты, в том числе растущие продовольственные затруднения. Предвкусая обвинения в том, что он испытывает иллюзии относительно возможности крушения советской власти (не только он, но и другие эмигранты) Струве восклицает: «Пусть так! <...>. Но “трехкопеечная французская булка”, в городах юга России продающаяся за 20–25 коп., не предается эмигрантским иллюзиям»⁴. Струве таким образом частично цитирует обращение Алеша Карамазова к отцу:

Нет, не надо, благодарю. Вот этот хлебец возьму с собой, коли дадите, – сказал Алеша и, взяв трехкопеечную французскую булку, положил ее в карман подрясника. – А коньяку и вам бы не пить, – опасливо посоветовал он, взглядываясь в лицо старика⁵.

³ Струве П.Б. Две речи о Достоевском // Россия и славянство. 1931. № 117. 21 февр. С. 1.

⁴ Струве П.Б. Наши утраты и наши задачи: Ко дну с растущим ускорением // Россия и славянство. 1929. № 8. 19 янв. С. 1.

⁵ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 195.

Как для Достоевского, так и для Струве и его современников эта булка была простым и доступным даже для низших сословий продуктом. Достоевский подчеркивает скромность Алеши, довольствующегося малым. Для Струве эта булка – деталь, позволяющая показать читателю (который, несомненно, легко считает этот «код» цитаты и поймет, что такое эта «трехкопеечная французская булка») ситуацию в экономике СССР после сворачивания нэпа: булка, которая раньше была вполне доступна труженикам села, теперь им совсем не по карману. В тексте Струве мы видим тот случай, когда сохранившееся в речевом узусе эмигрантов выражение (или цитата из известного произведения) вписывается в текст, создавая контраст (А. Зеленин приводит подобные примеры из эмигрантской публицистики в своей монографии [Зеленин 2007, с. 335]).

Гораздо чаще литературные антропонимы приходят в публицистику Струве из произведений Н.В. Гоголя. В качестве первого примера стоит рассмотреть обращение к поэме «Мертвые души». Рассуждая об отношении «буржуазного мира» к коммунизму, Струве использует выражение «подслеповатые Маниловы», чтобы охарактеризовать тех, кто недооценивает силу и опасность коммунистической идеологии: «...уверенные в том, что дикий зверь какими-либо естественными путями... превратится в ласковую овечку, либо сам сгниет от собственной дикости и нелепости»⁶. В другой статье Струве использует уже производное с обобщенно-символическим смыслом – «маниловщина» («...с грозной духовной и социальной опасностью коммунизма может бороться не социалистическая маниловщина, а только самое напряженное сосредоточение охранительных сил внутри каждого отдельного государства...»⁷).

Следующий литературный антропоним происходит из комедии «Ревизор». В статье «Буржуазная стихия в СССР» (1926) речь идет о взглядах революционера и советского экономиста Ю. Ларина (Михаила Лурье) на буржуазию в Советской России. «Только Сквозник-Духмановский ухитрился быть именинником и на Онуфрия, и на Антона», – пишет Струве, чтобы подчеркнуть двойственную позицию Ларина, а также самого Сталина: лицом к Европе пытаться выглядеть «честнейшими буржуа, заслуживаю-

⁶ Струве П.Б. Советские заказы и экономическое положение Германии: Реальность коммунистической опасности для всего мира // Россия и славянство. 1931. № 141. 8 авг. С. 1.

⁷ Струве П.Б. Необходимое сосредоточение охранительных сил // Возрождение. 1925. № 206. 25 дек. С. 1.

щими кредитов», а лицом «к обманутым и бедным русским низам – краснейшими коммунистами»⁸.

К тексту «Ревизора» Струве обращается и в статье «Арривист большевизма», в которой пишет о том, что в отношении людей большевики действовали «по рецепту гоголевского Осипа из “Ревизора”»: «Дай веревочку, и веревочка в дорога пригодится». «Бесцеремонный захват и еще более бесцеремонное использование власти», – подчеркивает автор⁹. Осип будет упомянут и в другой статье. Говоря о настроениях русской эмиграции в 1929 г., автор с сожалением отмечает, как много среди активных деятелей зарубежья любителей громких слов и истеричных выпадов, неспособных к продуктивной деятельности. Он называет этих активистов «графоманами» и «влюбленными в себя политическими чревоушателями» и предупреждает: именно таких, «упивающихся ролью ветхозаветных пророков», «неврастеников и психопатов» непременно «впрягут в свой советский экипаж» люди, которым и такие персонажи на что-нибудь сгодятся – подобно Осипу, которому и веревочка на что-либо пригодится¹⁰.

Как и многие другие публицисты русского зарубежья, Струве был неравнодушен к сатире М.Е. Салтыкова-Щедрина. «Премудрый пескарь» встречается в статьях Струве не один раз. Чаще всего этот антропоним относится к интеллигенции:

...советская власть, которую строят или, вернее, выдумывают русские интеллигенты из бывших революционеров, геологическим переворотом перемолотые в новейшее издание щедринских премудрых пескарей¹¹...

...смущающие и соблазняющие голоса, которые везде, и в зарубежье, и в самой России, проводят искусственную грань и изображают мнимое противоречие между национально-политической борьбой и национально-культурной работой¹².

О том, что советская интеллигенция вынуждена занимать позицию «премудрых пескарей», он говорит и в статье «Новояв-

⁸ *Струве П.Б.* Буржуазная стихия в СССР // Возрождение. 1926. № 523. 7 нояб. С. 1.

⁹ *Струве П.Б.* Арривист большевизма // Россия. 1927. № 3. 10 сент. С. 1.

¹⁰ *Струве П.Б.* Душно // Россия и славянство. 1929. 31 авг. С. 1.

¹¹ *Струве П.Б.* Люди во-ображения и без со-ображения // Возрождение. 1925. № 180. 29 нояб. С. 1.

¹² *Струве П.Б.* По поводу статей Н.А. Цурикова // Там же. № 206. 25 дек. С. 1.

ленные октябристы от большевизма»: «Даже если бы я, как по штату полагалось бы “цеховому” ученому, был щедринским “премудрым пескарем”, я бы в своей пескарной норке, на ученом пайке Советской России втайне, но упорно думал бы все-таки – так и только так»¹³.

Однако в публицистике Струве есть и редкие для эмигрантской периодики номинации. К примеру, в статье «Барин-журналист» по случаю кончины журналиста А.А. Столыпина (брата премьер-министра П.А. Столыпина) Струве обращается к Долохову из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и снова добавляет производный термин обобщающее символического характера. Автор пишет, что в молодости покойный был «сентиментальным изданием» толстовского брета: «...когда он стал журналистом, “долоховщина” превратилась в “благерство”. Иногда это “благерство” было довольно безответственное и, скажем прямо, вредное, иногда безобидное и благожелательно-лояльное»¹⁴.

Другим исключением является обращение Струве к эпическим образам. Отрывки из былины «Бой Василия Буслаева с новгородцами» множество раз цитируются в статье «Евразийское суесловие», и в данном случае мы видим пример не литературных антропонимов, но прецедентных ситуаций и текста. Евразийцев на «большевистском пиру» он сравнивает с дружиной Буслаева на княжеском пиру («...и все на пиру порасхватались...»). А далее Струве пишет:

Казалось, обпоили и обкормили господа большевики, сиречь коммунисты, русских людей всяким максимализмом и перебили всякими «чеками»: «и лежат то мужики увалами...» <...> Евразийцам этого оказалось мало, и стали они, в подражание большевикам, мудреными словами точно «черленным вязом помахивать»¹⁵.

М.М. Бахтин писал:

В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на

¹³ Струве П.Б. Новоявленные октябристы от большевизма // Россия. 1928. № 24. 4 февр. С. 1.

¹⁴ Струве П.Б. Барин-журналист // Возрождение. 1926. № 495. 10 окт. С. 1.

¹⁵ Струве П.Б. Евразийское суесловие // Россия. 1927. № 6. 1 окт. С. 1.

которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют [Бахтин 1979, с. 283].

Русское эмигрантское сообщество 1920–1930-х гг., рассеянное по разным странам мира, также было своеобразным социальным кругом, который следовал за своими языковыми знаками, преимущественно рожденными русской классикой. «Дневник политика» П.Б. Струве как яркий образец публицистики своего времени демонстрирует нам, как не только сами цитаты полностью, но и выхваченные фрагменты из литературных цитат в новом контексте – контексте эмигрантской периодики и историческом контексте 1920–1930-х гг. – получают дополнительные значения. С помощью понятных воспитанному на русской классике читателю кодов Струве разъясняет суть политических и экономических явлений и процессов, в первую очередь характерных для Советской России того времени, а также настроения и взаимоотношения внутри эмигрантского сообщества. При этом нужно подчеркнуть, что в использовании прецедентных феноменов Струве нередко был оригинален, обращаясь к текстам, не столь популярным среди пишущей русской эмиграции (например, к эпосу).

Литература

- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 444 с.
- Зеленин 2007 – *Зеленин А.* Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 378 с.
- Кайда 2008 – *Кайда Л.Г.* Позиция автора в публицистике: Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: Сб. ст. / Сост. Г.Я. Солганик. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 31–43.
- Караулов 2010 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 261 с.
- Мартиросьян, Самарская 2011 – *Мартиросьян Е.Г., Самарская Т.Б.* Публицистический текст: сущность, специфика, функции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 «Филология и искусствоведение». 2011. № 4. С. 143–147.
- Симачёва 2002 – *Симачёва И.Ю.* Достоевский на страницах парижской газеты «Россия и славянство» // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 187–196.
- Струве 2012 – *Струве Н.А.* Мой дед П.Б. Струве // Петр Бернгардович Струве / Под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. С. 13–17.

References

- Bakhtin, M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creative work], Iskusstvo, Moscow, USSR.
- Kajda, L. (2008), “The author’s position in journalism. A stylistics’ concept”, in Solganik G.Ya., comp., *Yazyk sovremennoi publitsistiki* [The language of modern journalism], Flinta, Nauka, Moscow, Russia, pp. 31–43.
- Karaulov, Yu. (2010), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost’* [Russian language and the language personality], Izdatel’stvo LKI, Moscow, Russia.
- Martirosyan, E. and Samarskaya, T. (2011), “The publicist text. Essence, specifics and functions”, *Bulletin of the Adyghe state university. Series “Philology and the arts”*, no. 4, pp. 143–147.
- Simachyova I. (2002), “Dostoevsky on the pages of Parisian newspaper ‘Russia and Slavdom’”, *Literaturovedcheskii journal*, no. 16, pp. 187–196.
- Struve, N. (2012), “My grandfather P.B. Struve”, in Zhukova, O.A. and Kantor, V.K., ed., Petr B. Struve [Pyotr Bergardovich Struve], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 13–17.
- Zelenin, A. (2007), *Yazyk russkoi emigrantskoi pressy (1919–1939)* [The language of Russian emigrants’ press (1919–1939)], Zlatoust, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kutarenkova@yandex.ru

Information about the author

Tatiana S. Bondareva-Kutarekova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kutarenkova@yandex.ru

УДК 070:808

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-111-117

Функционирование сленга в публицистике (на примере речи молодежного блогера Константина Заруцкого)

Данила С. Кузякин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kuzyakin.danila@yandex.ru*

Аннотация. В статье речь пойдет об анализе функционирования сленга в речи блогера Константина Заруцкого – автора и создателя YouTube-канала “AcademeG”. Опираясь на научную литературу, автор описывает функции сленга в речи, после чего выявляет конкретные, относящиеся к сленгу слова в речи блогера и делает попытку осмыслить функции такого рода слов применительно к контенту канала. Автор статьи приходит к выводу о том, что блогер использует два типа сленговых слов: профессиональные жаргонизмы автомобилестроителей и молодежный сленг. Умелое использование этих групп сленгизмов позволяет блогеру охватить большую аудиторию, а зрителям – почувствовать себя членами единой команды, говорящими на одном языке.

Ключевые слова: сленг, функционирование сленга, публицистика, журналистика, речь, блогер, язык

Для цитирования: Кузякин Д.С. Функционирование сленга в публицистике (на примере речи молодежного блогера Константина Заруцкого) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 111–117. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-111-117

The functioning of slang in journalism (on the example of the speech of the youth blogger Konstantin Zarutsky)

Danila S. Kuziyakin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kuziyakin.danila@yandex.ru*

Abstract. The article will focus on the analysis of the functioning of slang in the speech of blogger Konstantin Zarutsky, the author and creator of the YouTube channel “AcademeG”. Based on the scientific literature, the author

© Кузякин Д.С., 2023

describes the functions of slang in speech, after which he identifies specific slang-related words in the blogger's speech and makes an attempt to comprehend the functions of such words in relation to the content of the channel. The author of the article comes to the conclusion that the blogger uses two types of slang words: professional jargon of automakers and youth slang. The skillful use of these groups of slangisms allows the blogger to reach a large audience, and the audience to feel like members of a single team speaking the same language.

Keywords: slang, slang functioning, publicism, journalism, speech, blogger, language

For citation: Kuzyakin, D.S. (2023), "The functioning of slang in journalism (on the example of the speech of the youth blogger Konstantin Zarutsky)", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 111–117, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-111-117

Сленг стал неотъемлемой частью языка интернет-пользователей, т. е. новой ступенью в развитии современного общества. В мире происходит процесс «социальной метисации» населения, под которым подразумевается разрушение старых и формирование новых классовых группировок¹. Этот процесс имеет огромное значение для развития и изменения языка в том смысле, что он влияет на состав носителей литературного «стандарта», т. е. литературного языка, и делает неопределенными границы, сущность и сферы распространения этого «стандарта» [Беглова 2006, с. 6]. Такие изменения языка очень ярко прослеживаются в речи блогеров.

В большинстве работ, посвященных сленгу, выделяются пять его основных функций: *коммуникативная*, помогающая людям общаться внутри определенной социальной группы, *объединяющая*, позволяющая им осознать себя членами этой группы, чувствовать себя в ней комфортно и защищенно, *эмоционально-экспрессивная*, помогающая выражать в общении свои эмоции и чувства, *манипулятивная*, с помощью которой слушателя можно приобщить к сообществу, и *контактоустанавливающая* – обозначающая способность с помощью сленга установить контакт с собеседником [Судзиловский 1973, с. 26, 38]. Кроме того, можно выделить еще две дополнительные функции сленга: *функцию социальной идентификации*, благодаря которой слушатель, услышав знакомые сленговые выражения, с легкостью может отнести себя к любой группе аудитории, и *функцию глобализации коммуникативного*

¹Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. С. 150.

пространства, связанную со свойством сленга упрощать жизнь миллионам человек, поскольку одно и то же слово может употребляться в разных языках.

Собственно, эти функции и предопределили популярность сленга во многих сферах жизни и, в частности, в публицистике современных видеоблогеров [Лубицкая 2005, с. 9].

На канале Константина Заруцкого под названием “AcademeG” ежедневно появляется большое количество видеороликов, посвященных автомобильной тематике. Его видео можно разделить на две группы. Это подробные и серьезные обзоры автомобилей разных марок для зрителей, увлекающихся автомобилестроением, а также юмористические, веселые ролики, посвященные автомобилям, которые могут встретиться всем на дорогах общего пользования. В обеих группах блогер проверяет разные автомобили на прочность, показывает, где можно купить транспортное средство за малую цену и как можно утилизировать ненужный автотранспорт. В каждой группе присутствует сленг, которым блогер активно пользуется. Стоит заметить, что во всех видеороликах можно услышать два вида сленга: профессиональный и молодежный.

Приведем примеры.

Для начала – два «серьезных» видео, посвященных автомобилестроению. 9 января 2020 г. в эфир вышел видеоролик «Эти гусеницы на Wrangler реально поедут»². На 3-й минуте 20-й секунде эфира Заруцкий употребляет существительное «гусли», говоря о гусеницах, на которых в дальнейшем будет передвигаться его новый автомобиль. Само слово «гусли» очень активно используется людьми, которые любят езду по бездорожью. Существует огромное количество автолюбителей, использующих гусеницы на своих авто при езде по грязи, песку, бродам. Именно здесь проявляется *объединяющая функция* сленга. Употребив существительное «гусли» в отношении автомобиля, Константин Заруцкий дает понять, что видео рассчитано прежде всего на аудиторию, которой интересна тематика езды по бездорожью.

Далее, на 9-й минуте 25-й секунде эфира, Константин приносит прилагательное «кастомный»³. Данное слово превратилось в сленг в США. Его употребляли люди, которые занимались переделкой обычных автомобилей в спортивные. “Custom” в переводе с английского – это индивидуальный заказ. Со временем данное слово перекечовало в русский язык и тоже стало частью молодеж-

² Эти гусеницы на Wrangler реально поедут // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nLp_I8ktWKY (дата обращения 21.02.2021).

³ Там же.

ного сленга. Прилагательное «кастомный» стали употреблять все, начиная от производителей наклеек на велосипеды и заканчивая механиками и блогерами. Слово «кастомный» выполняет манипулятивную функцию. Аудитория, состоящая из обычных автолюбителей и профессиональных работников автомастерских, чувствует себя комфортно, тем самым разрушая коммуникативный барьер. Манипулятивная функция позволяет связать несколько аудиторий в одну. С помощью этой функции зрители разных возрастов и интересов объединяются одной темой.

Далее рассмотрим видеоролик от 14 ноября 2021 г. под названием «Как Lada боролась за Европу. История создания обвеса Calota»⁴. Стоит сказать, что это видео является подобием исторической сводки. Уже на 20-й секунде эфира Константин употребляет слово «тюнинг». Данное существительное происходит от английского “tunning” (настройка) и имеет значение «техническое усовершенствование автомобиля». Коммуникативная функция сленга в данном случае позволяет блогеру четко и ясно объяснить аудитории тематику видеоролика, избегая коммуникативных барьеров. Объединяющая функция способствует тому, что зритель начинает относить себя к определенной социальной группе, тем самым увеличивая аудиторию канала “AcademeG”. Контактустанавливающая функция позволяет Константину Заруцкому удерживать внимание зрителей и ненавязчиво принудить к дальнейшему просмотру своего видео. Функция социальной идентификации помогает зрителю утвердиться в том, что он принадлежит к группе автолюбителей, а значит, аудитория канала не будет уменьшаться. Функция глобализации коммуникативного пространства позволяет слову «тюнинг» переходить из одной среды в другую, тем самым распространяясь и увеличивая частоту употребления.

На 11-й минуте 30-й секунде эфира Константин Заруцкий употребляет слово «шаха»⁵. Это существительное является исключительно сленгом автолюбителей. «Шахой» называли и называют по сей день автомобиль ВАЗ-2106, в простонародье его еще называют «шестерка». Коммуникативная и объединяющая функции сленга в этом примере работают вместе и способствуют преодолению коммуникативного барьера между блогером и аудиторией, а также помогают зрителю отнести себя к определенной социальной группе. Манипулятивная функция позволяет Заруцкому привлечь внимание

⁴ Как Lada боролась за Европу: История создания обвеса Calota // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6vaDza2w6e4> (дата обращения 16.11.2021).

⁵ Там же.

своей аудитории, а также стороннего зрителя путем использования сленга. Стоит заметить, что при употреблении существительного «шаха» у зрителей старшего возраста может возникнуть ностальгия, и это помогает блогеру охватить как можно больше пользователей интернета и ненавязчиво заставить их подписаться на канал. Функция социальной идентификации позволяет зрителю снова убедиться в своей принадлежности к сообществу автолюбителей.

В юмористических видео молодежного сленга намного больше, чем профессионального.

Так, в видеоролике «Лучшая тачка на автомате за 256К рублей. Range Rover» от 23 августа 2021 г. Заруцкий на 6-й секунде эфира произносит слово «братан»⁶. Данное существительное образовано от однокоренного «брат» путем добавления суффикса «-ан» и в молодежном сленге обозначает того, с кем говорящего сближают общие интересы и условия жизни. Далее, на 30-й секунде видео, блогер употребляет слово «обалдеть» в значении «очень сильно удивиться». На 1-й минуте 10-й секунде употреблено слово «мафон». Данное существительное образовано от слова «магнитофон». «Мафон» является разговорным существительным. Данное слово укоренилось в речи автолюбителей, так как оно понятно людям, причастным к автомобильной тематике. На 2-й минуте 40-й секунде можно услышать словосочетание «башки нет». На профессиональном сленге автомобилистов существительное «башка» является синонимом к слову «цилиндр». Данное словосочетание расшифровывается как «не работает один цилиндр». В этих словах соединяются все описанные выше функции сленга.

Эти функции позволяют автору ролика общаться со своей аудиторией на одном языке, а зрителям – не только почувствовать себя членами команды блогера, но и осознать себя в качестве знатоков автомобилей, владеющих профессиональным сленгом, а значит, у них должно возникнуть желание продолжить смотреть видеоролик. Сленговые слова объединяют зрителей в одну группу автолюбителей, способны привлечь внимание новых посетителей YouTube-канала и заставить их подписаться на него.

Еще один важный пример использования сленга в юмористических роликах можно встретить уже в названии ролика «И снова ЭлектроВолга» от 4 января 2020 г.⁷ Выражение «ЭлектроВолга»

⁶ Лучшая тачка на автомате за 256К рублей. Range Rover // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nYcrtHkd4SY> (дата обращения 24.08.2021).

⁷ И снова ЭлектроВолга // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KHS1ePWZuw> (дата обращения 20.02.2021).

является, конечно, неологизмом. Но этот неологизм соотносится с популярным в молодежном сленге конца СССР словом «электровеник», обозначающим быстрого, решительного человека. И эта коннотация может привлечь к просмотру не только современную молодежь, но и тех, кто был молодым в 1980–1990-х гг. На 1-й минуте 22-й секунде Константин Заруцкий употребляет слово «малярка»⁸. Оно образовано от словосочетания «малярные работы». Изначально слово «малярка» употреблялось работниками автомастерских и являлось профессиональным сленгом, но со временем оно перешло в молодежный сленг. «Малярка» выполняет *коммуникативную функцию*. Она обуславливается тем, что аудитория, имеющая представление о проводимых с автомобилями работах, сразу понимает, что речь идет о завершающем этапе внешней отделки автомобиля. Коммуникативная функция прослеживается в том, что в группе, состоящей не только из профессионалов, но и из автолюбителей, происходит некое объединение сразу двух аудиторий.

Подводя итоги, можно отметить, что разделение сленга по группам роликов не является жестким, в серьезном контенте может употребляться молодежный сленг, а в юмористическом – профессиональный. Однако в целом в серьезных роликах явно превалирует профессиональный сленг, а в юмористических – молодежный. Выбор лексики зависит от того, для какой аудитории создается контент. Видеоролики с подробным обзором автомобилей нацелены на аудиторию, которая увлекается техникой, связанной с автомобилестроением, является приверженцем автомобилей и всего остального, что связано с ними – соответственно в них применяется прежде всего профессиональный сленг. В юмористических же видеороликах автор использует в первую очередь молодежный сленг или слова, рождающие ассоциации с теми, которые были молодежным сленгом ранее. Это делается для привлечения внимания новой молодой аудитории, а также для тех старых слушателей канала, которые могли устать от постоянного обсуждения технических характеристик транспорта и использования сложных профессиональных выражений.

Литература

Беглова 2006 – Беглова Е.И. Некодифицированная лексика в печатных СМИ 1990–2000-х годов. Уфа: Гилем, 2006. 271 с.

⁸ Там же.

- Лубицкая 2005 – *Лубицкая Е.В.* Сленг: региональные черты и процессы англизации: на материале речи молодежи г. Ставрополя и Красногвардейского района Ставропольского края: Автореф. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 18 с.
- Судзиловский 1973 – *Судзиловский Г.А.* Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика. М.: Воениздат, 1973. 73 с.

References

- Beglova, E.I. (2006), *Uncodified vocabulary in the print media of the 1990s – 2000s* [Nekodifitsirovannaya leksika v pechatnykh SMI 1900–2000-kh godov], Gilem Publishing House, Ufa, Russia.
- Lubitskaya, E.V. (2005), *Sleng: regional'nye cherty i protsessy anglizatsii: na materiale rechi molodezhi g. Stavropolya i Krasnogvardeiskogo raiona Stavropol'skogo kraya* [Slang. Regional features and processes of Anglicization. Based on the speech of youth of Stavropol and the Krasnogvardeisky district of the Stavropol territory], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Stavropol, Russia.
- Sudzilovskii, G.A. (1973), *Sleng – what is it? English vernacular military vocabulary* [Sleng – chto eto takoe? Angliiskaya prostorechnaya voennaya leksika], Military Publishing House, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Данила С. Кузякин, студент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kuzyakin.danila@yandex.ru

Information about the authors

Danila S. Kuzyakin, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kuzyakin.danila@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 10
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 10 раз в год

Подписано в печать 29.01.2024
Выход в свет 05.02.2024
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 7,3. Усл. печ. л. 7,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1892

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru